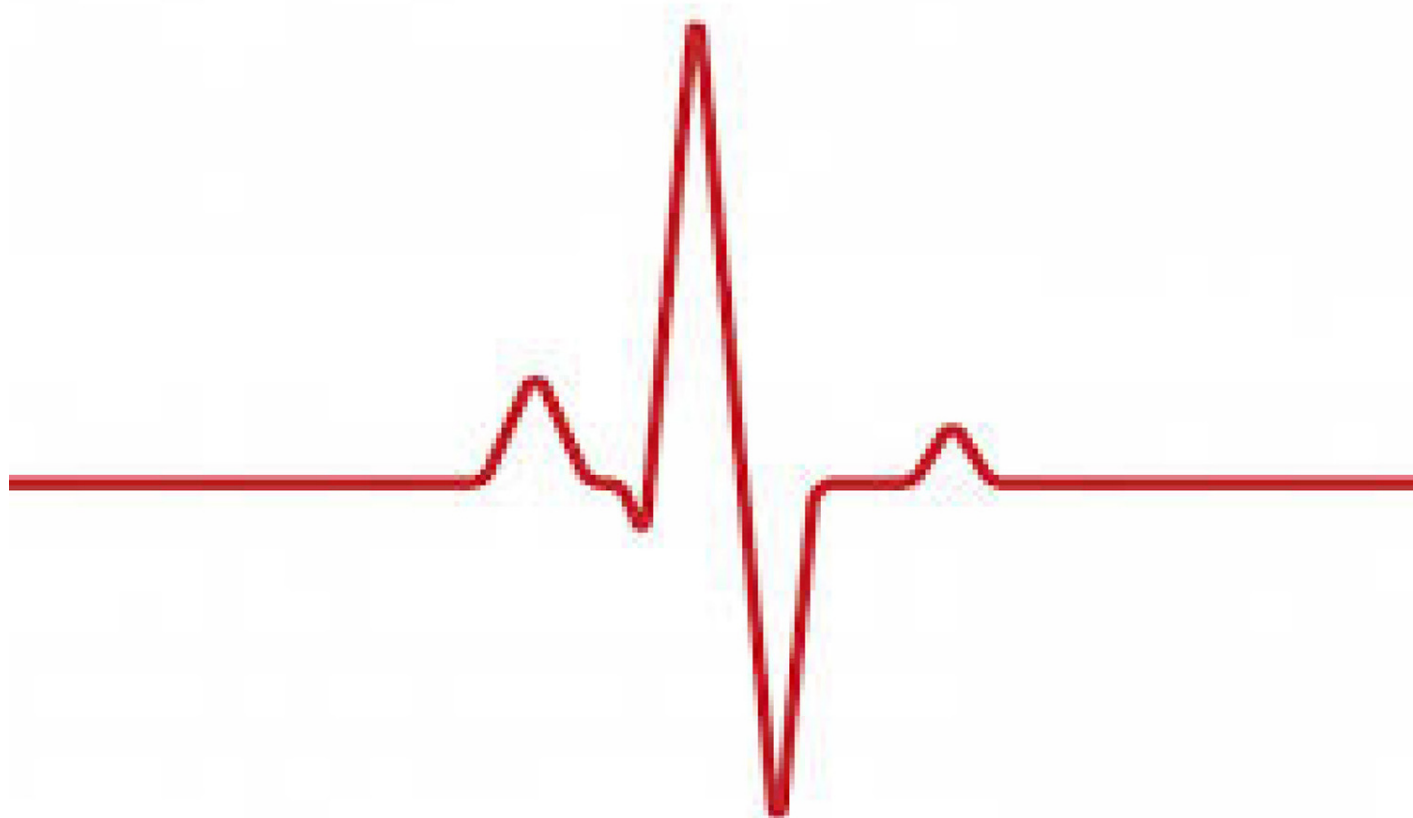

Андрей Шляхов

Клиническая
ординатура

Андрей Шляхов

Клиническая ординаДура

«Автор»

2020

Шляхов А. Л.

Клиническая ординаДура / А. Л. Шляхов — «Автор», 2020

Знаете ли вы, что такое клиническая ординатура? Если не знаете, то вам однозначно стоит прочесть эту книгу. Если вам кажется, что знаете, то тем более стоит прочесть – избавитесь от иллюзий. Если же вы когда-то прошли через это, то непременно читайте книгу Андрея Шляхова «Клиническая ординаДура». Будет что вспомнить и с чем сравнить. Молодой врач Александр Пряников приезжает из Тулы в Москву для того, чтобы пройти клиническую ординатуру по кардиологии в одном из лучших вузов страны. Надежды вдребезги разбиваются о реальность. Попытки исправить реальность в лучшую сторону оборачиваются серьезными проблемами не только для юного идеалиста (или, может, лучше сказать «идиота?»), но и для его родителей. У врачебной мафии длинные щупальца... Но не существует щупалец, которые нельзя отрубить. «Тульские пряники – они такие, хочешь зубы об них ломай, хочешь гвозди ими заколачивай», скромно говорит о себе главный герой, граф Монте-Кристо нашего времени. И последнее, что вам нужно знать перед прочтением – в слове «ординаДура» нет опечатки. Книга содержит нецензурную брань

© Шляхов А. Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пара слов от автора	6
Глава первая. Тульский пряник	7
Глава вторая. Страдания юного Пряникова	13
Глава третья. Первое дежурство юного д'Артаньяна	22
Глава четвертая. Российский университет дуракаваляния и саботажа	29
Глава пятая. Как диск луны дрожит в седых волнах...	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Андрей Шляхов

Клиническая ординаДура

Андрей Шляхов

* * *

Клиническая ординатура – это этап последипломного образования врачей, во время которого происходит подготовка квалифицированных врачей-специалистов для самостоятельной работы.

*«Клиническая ординатура – это узаконенное рабство»
Лао Цзы, из неопубликованного*

Пара слов от автора

Первое – в названии нет опечатки. Буква «д» – на своем месте.

Второе – разумеется, я должен заявить о том, что все описанные события выдуманы мною точно так же, как имена героев и название Российского университета демократического сотрудничества, этого ВУЗа – Выдающегося Учебного Заведения, в котором мои герои учатся и работают. Все совпадения случайны и нечаянны, поэтому за их количество я никакой ответственности не несу. И названия лекарственных препаратов тоже выдуманные, не ищите их в аптеках.

Sapienti sat.¹

---

¹ Умному достаточно (лат.).

Глава первая. Тульский пряник

*«Ain't no use in preachers preaching
When they don't know what they're teaching
Weakest man be strong as Samson
When you're being held to ransom»²*

Procol Harum, «Силен как Самсон»

– Российский университет демократического сотрудничества является одним из самых известных вузов не только в нашей стране, но и во всем мире. Со всех уголков планеты приезжают к нам учиться...

– Если наша планета шар, то какие у нее могут быть уголки? – негромко прокомментировал молодой человек, вольно раскинувшийся на кресле в последнем ряду конференц-зала терапевтического корпуса. – А если диск, то тем более. Уж академику положено знать такие элементарные вещи.

Одна из сидевших впереди женщин обернулась и укоризненно посмотрела на молодого человека. Тот в ответ улыбнулся и подмигнул.

– Вот уже более полувека лучшие умы человечества...

– Засыхают в этих унылых стенах, – продолжал ерничать молодой человек.

– Следуя великим принципам дружбы и сотрудничества...

– Интриг и стукачества...

– Наш университет объединяет представителей разных стран...

– А вы, миль пардон, из какой страны будете? – теперь молодой человек обращался к своему сверстнику, сидевшему справа через одно кресло. – Что-то я раньше вас не видел? Парле ву рюс?

– Парле, парле, – ответил сосед. – Из Тулы я. В ординатуре учиться буду. По кардиологии.

– Какое совпадение! – притворно восхитился собеседник. – Вот так встреча! Представьте, я тоже клинический ординатор первого года и тоже кардиолог! Надо же как свела нас судьба... За это нужно немедленно выпить!

Из внутреннего кармана пиджака, на который небрежно, по-гусарски, был наброшен белый халат, он достал плоскую металлическую фляжку и протянул ее соседу.

– Что это? – растерянно спросил сосед.

– Шестидесятиградусный ром. Бодрит и освежает невероятно. Понюхайте, какой аромат...

Молодой человек привычным движением отвинтил крышечку и сунул фляжку прямо под нос соседу.

– Ну, что скажете?

– Аромат восхитительный, – ответил сосед, – но я не пью по утрам, тем более – на работе.

– Жаль, – молодой человек изобразил на лице огорчение. – Я хотел выпить с вами на брудершафт. А после этого долбаного собрания мы бы продолжили свое знакомство в одном уютном баре неподалеку...

– А разве сегодня не будет никаких занятий? – удивился сосед. – По расписанию у нас должна быть вводная лекция, а после нее – распределение по отделениям.

---

² «Нет смысла в проповедях, Если проповедники не знают сами, чему они учат. Самый слабый будет силен, как Самсон, Если он окажется заложником» (англ.). Здесь и далее все иноязычные тексты даны в переводе автора.

– Лекций этих у нас впереди тьма-тьмушая, – менторским тоном сказал собеседник, – а первый день ординатуры бывает только раз в жизни и прожить его нужно так, чтобы потом было бы что вспомнить. Два года беспросветного рабства, это же практически вечность... Повторяю свое предложение – дернем на брудершафт?

– Я бы с удовольствием, но сейчас не могу, – твердо отказался сосед. – Извините.

– Вот такие дела, подруга дней моих суровых, – сказал молодой человек своей фляжке. – Ладно, я вас выручу. Ординаторы должны помогать друг другу. Наша сила в единстве и решительности, как учил героический Эрнесто Че Гевара, имя которого раньше носила эта богадельня. Если вы не хотите, то я выпью и за себя, и за вас. Таким образом наш брудершафт состоится без вашего прямого участия. Нет возражений?

Сосед отрицательно покачал головой.

Молодой человек поднес фляжку к губам и сделал хороший глоток. Удовлетворенно зажмурился, причмокнул губами, смакуя вкус, и сказал:

– А теперь за вас!

Второй глоток был еще лучше первого. Поболтав фляжку, молодой человек иронически усмехнулся, и третьим глотком осушил ее.

– Ничего страшного, – сказал он, убирая фляжку обратно в карман пиджака. – В шкафчике у меня еще полбутылки есть. Ну что, брат по разуму, давай знакомиться. Меня зовут Кирилл, а полностью – Кирилл Викторович Жужель, будущая гордость отечественной кардиологии.

– Пряников Александр Михайлович, – представился сосед, пожимая протянутую ему руку. – Тоже мечтаю стать гордостью отечественной кардиологии.

– Я не мечтаю, – сказал Кирилл. – У меня просто нет другого выхода, ведь мой папочка руководит неотложным отделом в Институте клинической кардиологии. Слушай, а ты действительно Пряников? Не прикалываешься? Пряников из Тулы – это феерично. Тульский пряник!

– Не прикалываюсь. Я действительно Пряников из Тулы, как бы смешно это не звучало бы. Могу даже паспорт показать...

– Не надо паспорт! – ответил Кирилл. – Другьям я привык верить на слово. Тебя, кстати, как сокращенно зовут – Сашей или Шуриком?

– Лучше Сашей, мне так привычнее.

– А я, чтоб ты знал, плохо реагирую на Киру, потому что это женское имя. Если хочешь, то можешь Жужиком звать, у меня это погоняло с детского сада. Или Кириллом. А теперь, друг Саша, поведай мне, каким ветром тебя занесло из Тулы в Москву? Неужто в ваших благословенных краях негде ординатуру по кардиологии пройти?

– Почему же негде? – немного обиженно сказал Пряников. – Есть у нас разные ординатуры. Только мне хотелось сюда. Не просто в Москву, а именно в Российский университет демократического сотрудничества.

– Ясно, у тебя тут блат, – предположил Кирилл.

– Весь блат остался дома, – вздохнул Пряников. – Здесь у меня никого знакомых нет... Кроме тебя, конечно. Меня все уговаривали в Туле остаться, и родители, и друзья, и... одна девушка, но я, как видишь, здесь. Удалось получить единственное целевое место. Что ты на меня так смотришь? Ром в голову ударил?

– Ром, Саша, не ударяет, а бодрит и прочищает мозги. Вот попробуешь и сам поймешь. А смотрю я на тебя так, потому что удивляюсь. На хрена тебе сдался наш универ? Со мной, к примеру, все ясно – я здесь с первого курса торчу, потому что никуда больше папаша меня устроить не смог. Мне проще перекантоваться два года в привычных условиях, где все давно знакомо. Но зачем тебе-то, добрый молодец, понадобился Российский университет дуракавания и саботажа?

– Ты меня разыгрываешь, – Пряников понимающе улыбнулся. – Спроси еще, чем крепкий ром лучше молока.

– Это я и без тебя знаю, – усмехнулся Кирилл. – А вот что есть хорошего в нашем универе, я за шесть лет так и не понял.

Сидевшая впереди женщина снова обернулась.

– Между прочим, об этом только что говорил Вячеслав Николаевич! – злобно прошипела она. – Можно было послушать!

– Мы не просто слушали, но и конспектировали, – ответил Кирилл. – Мысленно. Вот закрою глаза и вижу весь текст, как наяву.

Женщина возмущенно фыркнула и отвернулась. Кирилл взглядом указал Пряникову на дальний конец пустого последнего ряда, в котором кроме них никто не сидел. Дальний конец был хорош тем, что три ряда кресел перед ним пустовали – идеальное место для разговоров.

Переходя вдоль ряда, Пряников деликатно пригибался, чтобы его маневр остался незамеченным для сидевших в президиуме. Кирилл же шел, выпрямившись во весь рост, и не особо торопился.

«Мажор, но приятный», подумал о новом знакомом Пряников.

«Чудик, но в целом ничего», подумал о нем Кирилл.

– У нас в Туле ординатура неинтересная, – начал объяснять Пряников, когда Кирилл уселся в соседнее кресло. – Если честно, то просто скучная. Дают палаты, ходишь на обходы, все точно так же, как и на шестом курсе. И преподаватели все знакомые. Они чему могли, тому уже нас научили в студентах...

– Уверяю тебя, что здесь будет то же самое! – перебил Кирилл. – Еще и написанием статей будут грузить не по-детски, потому что кафедра в отношении публикаций очень активная.

– Так это же хорошо! – оживился Пряников. – Я ничего не имею против научной работы. Каждая статья – это новые знания, расширение кругозора. Но это не самое главное. Я ведь почему именно в РУДС хотел ординатуру проходить? Потому что здесь обучаются иностранцы, а уж их-то нужно готовить по-настоящему, так, чтобы после ординатуры они сразу же могли бы работать на уровне опытного врача! Стандарты здесь другие, плюс широкие международные связи. Это же сколько возможностей! А общаясь с иностранными ординаторами и аспирантам я смогу свой английский подтянуть. Столько преимуществ, аж дух захватывает! Странно, что ты этого не понимаешь.

– Не понимаю, – честно признался Кирилл. – Говорю же тебе, здесь все точно так же, как и везде. И даже хуже. Во всяком случае, среди столичных медицинских вузов самым передовым традиционно считается Первый мед, а наш универ – на последнем месте. Есть даже такая поговорка: «Никуда не пролез – вали в РУДС!».

– Свое всегда кажется не очень привлекательным, это естественно, – продолжал гнуть свою линию Пряников. – Вот я с детства считал, что Тула – так себе город. А когда после восьмого класса побывал у маминых родственников в Ромнах, то понял, в каком замечательном городе я живу. Все познается в сравнении. Когда я прочел на сайте университета двенадцать причин по которым нужно учиться именно здесь, я понял – вот мой университет. Да что там университет! Только от того, что я буду проходить ординатуру на кафедре академика Манасеева, по учебникам которого я учился...

– Во-первых, Славик пока еще не академик, а только членкор, – снова перебил Кирилл. – Знаешь пословицу: «каждый академик был членкором, но не каждый членкор будет академиком»? Во-вторых, видишь в президиуме носатую брюнетку в очках, крайнюю справа? Это доцент Сторошкевич Алла Никитична, зав учебной частью кафедры, кличка – Страшила. Это она написала все те учебники, по которым ты учился, а не Славик. Весь кафедральный порядок держится на ней. Шеф же то на симпозиуме, то на конференции, то в министерстве. На месте его почти никогда нет. А Страшила всегда здесь, верная и надежная. Приходит в полвосьмого

утра, уходит в десять вечера. Кстати, она – гениальный диагност. Кроме шуток. Доктор Хаус перед ней младенец. В больнице говорят: «Если Сторошкевич диагностировала у мужика вне-маточную беременность – надо срочно оперировать». Прикинь, какая репутация. Будут проблемы с пациентом – иди к ней, падай в ноги и умоляй помочь. Дам тебе по дружбе ключик к ее каменному сердцу. Надо сказать, что кроме нее никто с этим сложным случаем разобраться не сможет, даже сам Славик. Скажешь эти волшебные слова – она все дела бросит и пойдет твоего гаврика смотреть. Но если там окажется не что-то этакое, – указательным пальцем правой руки Кирилл нарисовал в воздухе спираль, – а банальная пневмония, то ты крупно огребешь за тупизм, имей это в виду и не злоупотребляй. Кстати, дружище, а кто твои родители?

– Отец заведует неврологическим отделением в областной больнице, а мама – начмед в детской инфекционной, – с затаенной гордостью ответил Пряников. – По отцовской линии у нас в роду пять поколений врачей, я – шестой.

– Ух ты! – восхитился Кирилл, на этот раз искренне. – А чего же тебя, с таким-то анамнезом, в кардиологию занесло? Что в невропатологи не пошел или в инфекционисты?

– Кардиология мне нравится больше, чем что-то другое, – слегка смущенно ответил Пряников. – Особенно – неотложная. Надеюсь, что после ординатуры, буду работать в кардиореанимации.

– Ты решительно уникам! – констатировал Кирилл. – Приперся из Тулы в нашу богдельню, ждешь от ординатуры чего-то невероятного и собираешься работать в кардиореанимации! Ну, Пряник, ты даешь! Жжешь напалмом!

– А что тут такого? – Пряников удивленно посмотрел на собеседника. – Неужели сидеть в поликлинике на приеме интереснее? У тебя же самого отец неотложной кардиологией занимается.

– Одно дело руководить отделом в институте и совсем другое – вламывать на дежурствах, – резонно заметил Кирилл. – У отца карьера так сложилась, по неотложной линии, но лично я хочу для себя другого.

– Чего же?

– О, на этот вопрос так сразу и не ответишь, – усмехнулся Кирилл. – Опять же, собрание уже заканчивается. Вот если ты все же решишься составить мне компанию, то за кружкой пива я выложу тебе все, что лежит у меня на душе. А заодно познакомлю тебя с самыми достойными людьми современности, которым выпала нелегкая планида проходить ординатуру в нашем университете. Решайтесь, сударь! Сегодня ничего интересного не будет, только нудная лекция и распределение рабов по плантациям. Я тебе сразу скажу, что все ординаторы-кардиологи отправляются в кардиологическое отделение, которым заведует доцент Максим Семенович Цаплин. Вон он сидит в президиуме рядом со Страшилой. Максимка даст каждому по палате и прочтет в своем кабинете лекцию на тему «Наша служба и опасна, и трудна». Затем он поведет ординаторов первого года в кардиореанимацию, которой заведует другой доцент Мукул Пракашевич Рам по прозвищу Маленький Мук. Его здесь нет, он не любит собраний и всегда находит отговорку, чтобы на них не присутствовать...

– Мукул Пракашевич? – переспросил Пряников. – Он индус?

– Самый натуральный, – подтвердил Кирилл. – Приехал учиться, женился на москвичке, сменил гражданство. У индусов, чтоб ты знал, все зависит от касты. Брамины и кшатрии возвращаются домой, а представители низших каст норовят остаться на чужбине, где им никто не будет колоть глаза их низким статусом. Мукул из какой-то самой низшей касты, чуть ли не из неприкасаемых, на которых браминам даже смотреть запахло, не говоря о большем. Здесь ему куда лучше, чем дома – доцент, завотделением, уважаемый человек, жена в мэрии работает. Он вообще-то хороший мужик, но очень вспыльчивый. Впрочем, достается от него преимущественно сотрудникам, к студентам и ординаторам Мукул относится по-человечески.

– А все остальные – не по-человечески? – уточнил Пряников.

– Поживешь – увидишь, – ушел от прямого ответа Кирилл. – Не стану окончательно разбивать твои иллюзии, а то ты меня, чего доброго, возненавидишь. Да и бесполезно все это. Человек ничего не понимает, пока его жизнь носом в лужу не ткнет... Ну так что, сваливаем на посиделки? Какую палату тебе дали узнаешь завтра утром, во время обхода заведующего. А вводную лекцию я тебе в баре прочту. Кстати, весьма вероятно, что к нам присоединится Нарендра Кумар Чопра, ординатор второго года. В общении с ним ты невероятно подтянешь свой инглиш, а заодно и русиш. Лично я такого знатока матерщины больше не встречал...

– Я бы с огромной радостью, но не могу, – Пряников по-восточному прижал к груди обе ладони. – Может в другой раз? Или, хотя бы, вечером? Мне в четыре часа надо по поводу общежития переговорить, а потом я буду свободен. Скажи мне свой номер, я позвоню, как освобожусь.

Вместо ответа Кирилл протянул Пряникову визитную карточку. На плотной шершавой бумаге золотыми завитушечными буквами было написано «Жужель Кирилл Викторович, эсквайр». Далее шли два телефонных номера, мобильный и домашний, адрес электронной почты и скайповский логин.

– Ты что – англичанин? – спросил Пряников, всматриваясь в лицо собеседника.

Кирилл был скорее похож на скандинава, чем на англичанина. Узкое лицо, прямой нос, который чуточку не дорос до того, чтобы называться длинным, пронзительно голубые глаза, высокие скулы, твердый, немного тяжеловатый подбородок.

– Чистокровный русак, – улыбнулся Кирилл, – Рязань косопузая. «Эсквайр» – это дразнилка для папаша. Когда я напечатал себе визитки только с именем и координатами, папаша сказал, что одно лишь имя – это слишком мало для визитной карточки. Намекнул мне, что я пока еще никто. Старик у меня вообще-то ничего, немного отсталый, правда, но иногда его пробивает на поучения и назидания. Я психанул, выбросил старые визитки и напечатал новые, с эсквайром. Когда меня спрашивают, что это такое, я делаю умное лицо и отвечаю: «Ну, это пониже президента, но гораздо выше премьер-министра». Дураки впечатляются, а мне весело. Я вообще весельчак, если ты успел заметить.

Пряникову пришлось написать свой телефонный номер на листочке, вырванном из блокнота. «Завтра же закажу визитки», мысленно пообещал себе он и практически сразу же забыл об этом обещании.

Взяв листочек, Кирилл сразу же вбил номер Пряникова в свой телефон.

– Это чтобы ответить на звонок, – пояснил он. – Не знаю, как у вас, а у нас в Москве незнакомым абонентам отвечать не принято. Рекламщики и аферисты всех конкретно задолбали. Ладно, звони, Пряник, не пропадай. И постарайся уже сегодня избавиться от всех своих иллюзий. Так будет лучше, поверь мне. Чем короче кризис, тем меньше последствий.

– Я сам разберусь от чего мне избавляться, а от чего – нет, ладно? – сказал Пряников, вежливо и, одновременно, твердо. – Такой уж у меня недостаток – привык своим умом жить.

– Я думал, что ты чудик, а ты, оказывается, Железный Пряник! – хмыкнул Кирилл. – Молодец, уважаю.

– Тульские пряники – они такие, – в тон ему ответил Пряников. – Хочешь зубы об них ломай, хочешь – гвозди ими заколачивай.

Далеко не всегда фамилия подходит человеку, но Пряникову в этом смысле повезло. Его лицо походило на пряник, только не на прямоугольный тульский, а на классический круглый. Пухлые щеки, глазки-пуговки, курносый нос, ямочки на щеках, пухлые губы то и дело растягиваются в улыбке. И вообще весь он был какой-то уютный, словно сытый кот.

«На вид – котик няшный, а на деле – тиранозавр саблезубый» скажет о Пряникове доцент Сторошкевич.

Но до этого еще далеко. Почти девять месяцев – целая вечность. И вообще саблезубых тиранозавров никогда не существовало. Это всего лишь порождение болезненной фантазии одинокой женщины, до предела измученной своей женской невостребованностью.

Глава вторая. Страдания юного Пряникова

*«There's too many women and not enough wine
Too many poets and not enough rhyme
Too many glasses and not enough time
Draw your own conclusions»³*

Procol Harum, «Твой собственный выбор»

Отец напирал на разум, а мать – на чувства. Как и положено.

– Если хочешь покорять столицу, так покоряй ее после ординатуры, а еще лучше – после аспирантуры! – талдычил отец. – Перед кандидатом наук открыты все двери! Ну, или, почти все. Но ординатуру лучше пройти дома, где тебя все знают, и ты знаешь всех. Если ты хочешь самостоятельной жизни, так мы не против. У тебя есть бабушкина квартира. Переезжай – и живи себе на свободе, хотя мы с матерью твою свободу и так никогда не ограничивали...

Это была правда. В девятом классе родители поставили сыну одно условие – мы должны знать, когда ты собираешься прийти домой. Все остальное несущественно. Хоть неделю зависай у друзей на даче, только предупреди, что будешь в такой-то час такого-то дня. И еще было одно предложение (не условие): если тебе нужны деньги, то скажи нам, а не занимай на стороне и, Боже упаси, не пытайся заработать каким-то нечестным путем.

– Ну как же ты будешь жить там без нас? – с надрывом спрашивала мать. – А как мы будем без тебя? И главное – зачем все это? Дался тебе твой РУДС, будь он трижды неладен! Все равно же придется возвращаться в Тулу, ординатура-то целевая!

– И я пальцем о палец не ударю для того, чтобы освободить тебя от отработки! – добавлял отец. – Три года отдашь, как положено по договору!

– И зачем тебе вообще нужна эта московская ординатура? – повторяла мать. – Ты будешь там мучиться, мы здесь будем по тебе скучать... А об Алене ты подумал? Мне казалось, что у вас все серьезно.

Алена была единственным человеком, который понимал Сашу. И это при том, что к медицине она не имела никакого отношения. Впрочем, нет. Журналисты ко всему имеют отношение, такая уж разносторонняя у них специальность. Сегодня пишешь о летчиках, завтра – о серийном убийце, послезавтра – о врачах...

– Если уж учиться, то с толком, а не для галочки! – говорила Алена. – Ты поступаешь правильно! Дерзай! Борись! Я тебя понимаю!

В своем самопожертвенном порыве она была готова отказаться от должности штатного корреспондента «Тульских новостей» и ехать за любимым мужчиной в Москву, на авось. Если не будет работы по специальности, так найдется что-то другое. Да хоть кассиром в супермаркете, лишь бы быть вместе.

Саша такой жертвы принять не мог. Да и зачем? Он же не в Австралию уезжает, а в Москву. Всего расстояния – на два с половиной часа по железной дороге. Можно встречаться на выходных, хоть в Москве, хоть в Туле, а еще у Алены бывают командировки в столицу... И вообще, «вместе» – это внутреннее понятие, а не внешнее. Можно жить в одной квартире и при этом быть невероятно далекими друг от друга, а можно сохранять близость на расстоянии.

– Конфуций сказал, что мужчина без женщины все равно что сокровище без присмотра, – вздыхала Алена.

---

³ «Слишком много женщин и мало вина. Слишком много поэтов и мало рифм. Слишком много посуды и мало времени. Выводы делай сам» (англ.).

С одной стороны Саше было приятно, что любимая женщина считает его сокровищем и боится потерять. С другой немного коробило то, что ему не доверяют настолько, чтобы спокойно отпустить в Москву. Неужели Алена думает, что он станет там бегать за каждой юбкой, как сорвавшийся с цепи кобель? Неужели она ему ни капельки не доверяет? Нет, конечно же доверяет, но боится потерять, потому что любит по-настоящему. Милая, милая Алена!

Сашу Пряникова манил не только Российский университет демократического сотрудничества, но и семьдесят четвертая московская больница, в которой ему предстояло проходить ординатуру. Многопрофильная столичная клиническая больница с шестидесятилетней историей – это вам не хухры-мухры. Причем, расположена она в «академическом» районе, а район ведь тоже имеет значение. Врач, разумеется, должен лечить всех больных, невзирая на лица и прочие обстоятельства, но с культурным контингентом дело иметь приятнее, чем с некультурным. Саша с содроганием вспоминал скорпомощную практику в Пролетарском районе родной Тулы. Пришел на подстанцию весь такой восторженный («ромашечный», как выражалась Алена) и уже на первом вызове получил в зубы от пациента, недовольного тем, что «скорая» ехала до него «невероятно долго», аж целых двенадцать минут. «Доброе начало» наложило отпечаток на всю двухнедельную практику, во время которой... Ох, лучше не продолжать. До тех пор Саша жил в какой-то другой Туле, а тут вдруг открылась дверь в ужасающе ужасную параллельную реальность. Бр-р-р! Вспомнишь – и вздрогнешь.

– Ну чем обычная московская больничка отличается от нашей? – саркастически вопрошал отец. – Если уж на то пошло, то наша областная здравница гораздо круче. Это же лучшая больница целой области, а не одна из сотни себе подобных!

– И вообще лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе! – вставляла мать.

– А кто вам сказал, что я буду последним? – вяло огрызнулся Саша. – Может быть у меня наполеоновские планы.

– Так это же замечательно! – отец изображал лицом радость, но глаза у него оставались грустными. – Дозрей дома до кандидата наук, а затем покоряй Москву! Степень открывает много дверей!

От слова «дозрей» Сашу плющило не по-детски. Что он – яблочко на дереве? Ему уже, между прочим, двадцать четыре года. Наполеон в этом возрасте стал генералом, а Лермонтов своего «Героя» писать начал, имея за плечами такие шедевры, как «Бородино» и «Парус». А тут – «дозрей дома»!

Опять же, в родных пенатах никто не скажет тебе в глаза, чего ты стоишь как врач. Кругом свои люди. Одни помнят тебя зеленым студентом, а другие и того хуже – маленьким шпинделем, который на бис декламировал перед гостями «Бармалея» и «Мойдодыра». И вообще, как можно сказать Сашеньке что-нибудь этакое, ведь Михаил Александрович и Елена Константиновна смертельно обидятся... Разумеется, в тепличных условиях есть определенные преимущества, в них уютно и комфортно, но цену себе ты в теплице никогда не узнаешь. И никаких высот не достигнешь, потому что очень скоро упруешься головой в стеклянный тепличный потолок.

Когда любящим родителям начинало казаться, что они своими разумными доводами приперли непутевого сынульку к стенке, Саша прибегал к *ultima ratio regum*.⁴

– Могу я поступать так, как считаю нужным? – патетически вопрошал он.

Родители отвечали, что конечно же может. Но это отступление было временным и использовалось для перегруппировки сил и поиска новых доводов. За три дня до отъезда Саши в Москву мама прибегла к запрещенному приему.

---

⁴ Последний довод королей (лат.).

– Ты нас совсем не любишь, – сказала она, утирая ладонью слезы. – Эта... ординатура для тебя дороже, чем мы.

Саша впервые в жизни услышал от мамы нецензурное слово, причем очень грубое. И впервые в жизни мама ударила его под дых. Как можно ставить на одну доску любовь к родителям и прохождение ординатуры в другом городе? Разве может ординатура быть дороже, чем мама и папа? Что за бред?!

– Это вы меня совсем не любите, – парировал Саша. – Раздули из мухи слона и накручиваете себя почему зря. Я, например, спокойно отношусь к тому, что мне придется жить в общежитии...

Во время учебы в тульском медицинском институте Саше доводилось бывать в студенческих общежитиях. Ничего страшного там он не увидел. Разумеется, общежитие – это не дом родной, но жить в общежитии можно спокойно.

В той комнате, которую показал ему мордатый комендант, жить можно было только после смерти, когда перестаешь обращать внимание на детали окружающего мира. Если в длинном коридоре, протянувшемся вдоль всего этажа, стены и пол были чистыми, а потолок – белым, то в комнате все было серо-бурым от грязи, обои свисали причудливыми лохмотьями, с потолка при малейшем колебании воздуха сыпалась штукатурка, но хуже всего был запах – невероятно убийственная смесь ароматов немытого тела, затхлого белья и каких-то едких пряностей.

– Все так живут, – прокомментировал комендант, явно наслаждаясь произведенным впечатлением. – И ничего, довольны. В квартирных общагах малость получше, но там мест по жизни нет. А здесь просто рай. И всего один сосед, причем приличный человек. Реджиналд Тамбо, пятикурсник из Нигерии.

– Сосед? – удивился Саша, только сейчас заметивший, что в комнате две кровати – застеленная и голая. – Но мне говорили, что ординаторов селят по одному.

– А мне говорили, что Земля круглая! – хмыкнул комендант. – А недавно по телевизору сказали, что она плоская. По одному – это роскошь, которую надо заслужить.

Хитрый прищур досказал остальное.

– Сколько? – обреченно спросил Саша.

– Мне две тысячи за совет, а дальше по обстоятельствам.

За две тысячи Саша узнал, что в этом корпусе он ничего хорошего не найдет, а в «квартирниках», то есть – в общежитиях квартирного типа, ему надеяться не на что. Но можно получить комнату на двоих в общежитии блочного типа и договориться, чтобы к нему никого не подселяли. В седьмом корпусе есть свободные комнаты, а комендант Олег Остапович никогда не откажет хорошему человеку.

– Это самый лучший корпус, – нахваливал комендант. – Рядом отделение полиции, так что жить будете как у Христа за пазухой, в тишине и покое. В блоке у вас будет своя кухонная зона и свой санузел. Не то, что у нас, где все удобства на этаже. Вам комната не понравилась, но это вы еще нашу кухню не видели...

Кухню Саша так и не увидел. Быстрее лани он бежал из этого кошмара в хваленый седьмой корпус. Знакомство с Олегом Остаповичем, таким же солидно-мордатым (клонировать они их, что ли?), обошлось Саше в пять тысяч рублей. Койка в двухместной комнате, слегка обшарпанной, но в целом годной для жилья, официально стоила семь с половиной тысяч в месяц. Еще четыре тысячи ежемесячно комендант запросил за возможность жить одному.

– Вы можете ответить, что за десять косарей в Москве сдаются комнаты, – сказал Олег Остапович, будто прочитав Сашины мысли. – Но что то будет за комната? И какие там будут соседи? А у нас, как вы сами видите, порядок и режим. И соседи у вас хорошие – семейная пара аспирантов из Непала. Траву не курят, растворы не варят, вечеринок не устраивают, мимо унитаза нужду не справляют, голыми по коридорам не бегают...

– А что, кто-то бегают? – поинтересовался Саша.

– Да мало ли у кого какие причуды, – усмехнулся комендант, но тут же придал лицу преувеличенно серьезное выражение и заверил, что на вверенной ему территории никаких безобразий не бывает, ну разве кто-то из жильцов иногда немного пошумит.

Саша колебался. Ему и хотелось, и кололось. Одиннадцать с половиной тысяч за комнату в общежитии – это явно перебор. С другой стороны, жить он будет недалеко от больницы, в относительно приличных условиях и в молодежной среде. Опять же – отделение полиции рядом, оба окна комнаты на него выходят. И этаж хороший – пятый. Уличный шум не будет так докучать, как на втором или третьем, а с другой стороны не будешь зависеть от лифта, как на высоких этажах.

– Я вам холодильник дам, почти новый, – сказал комендант, которому очень хотелось увеличить свои ежемесячные доходы на четыре тысячи рублей. – И телевизор бы дал, потому что для хороших людей ничего не жалко, только нет у меня телевизоров, разобрали все. Мебель почти новая, от прежних жильцов два кресла остались...

Кресла не были приватизированы комендантом по причине своей великой обшарпанности. «Но если купить какую-нибудь плотную материю и задрапировать кресла ею, то выйдет неплохо», подумал Саша.

– Ну что, договорились? – испытующе прищурился комендант. – Ничего лучшего я вам предложить не смогу.

– Договорились! – решил Саша.

Если бы он сразу же пришел сюда, то, скорее всего, отказался бы от предложенной ему комнаты или бы взял паузу на обдумывание. Но, в сравнении с предыдущим корпусом, здесь был филиал рая.

Родители еще в Туле попросили прислать им фотографии апартаментов, в которых будет жить блудный сын. Саша благоразумно сделал несколько фотографий в номере гостиницы, где он остановился на первых порах, когда приехал туда за своими вещами. Фотографии общежития предков явно не порадовали бы. А вот фотографию корпуса отправил настоящую, причем ракурс взял такой, чтобы в кадр попало отделение полиции. Еще и написал, что в студенческом городке есть свое собственное полицейское отделение. Подумал, что родителям такое соседство понравится порядок, спокойствие. Но вышло наоборот. Сразу же после отправки фоток позвонила мама.

– Сашенька, мы с отцом просто в шоке! – судя по голосу, шок был всамделишным. – Неужели у вас там столько криминала, что понадобилось свое отделение полиции? Завтра же сними квартиру в приличном районе! Мы с отцом это потянем! В конце концов ты у нас один! Я не смогу спать спокойно, пока ты будешь жить в этой клоаке!

Никто не умеет так хорошо выкручиваться из сложных ситуаций и трудных положений, как дети чересчур заботливых родителей (да, представьте, что родительская забота, многократно воспетая в поэзии и прозе, может быть чрезмерной).

– Вы с папой совсем не так все поняли, – сказал Саша. – Свое отделение полиции у нас не из-за криминала, а потому что здесь много иностранцев. Далекое не все владеют русским языком на должном уровне и вообще с иностранцами нужно обращаться дипломатично. Поэтому и создали особое отделение, где все сотрудники владеют как минимум двумя иностранными языками и прошли специальную подготовку.

Соврал так гладко и вдохновенно, что мама успокоилась. Взяла с сына в сто пятидесятый раз обещание не ходить поздно по улицам, не связываться с хулиганами и не напиваться, после чего попрощалась. Согласно закону зеркального отражения, Саше сразу же захотелось напиться в хулиганской компании и долго гулять по ночному городу в поисках приключений.

Отец деликатно выждал паузу, длиной в неделю, чтобы дать сыну возможность немного освоиться, а затем поинтересовался впечатлениями о московской ординатуре. Саша бодро

доложил, что все нормально и он всем доволен. Не то, чтобы соврал, но и всей правды не сказал, а если уж начистоту, то он сам пока еще не понял, нормально все или нет.

На словах все было настолько замечательно, что просто дух захватывало. Преподаватели говорили о новых инновационных технологиях обучения, соблазняли возможностью учиться у выдающихся деятелей науки, то и дело напоминали о том, что дипломы РУДС признаются в ста восьмидесяти странах мира, а о возможности учебы за границей в рамках обмена опытом говорили, как о чем-то само собой разумеющемся. Темы для научных работ поражали не только своей серьезностью, но и перспективностью. Профессор-членкор Манасеин умел отбирать для своей кафедры все самое «вкусное». Невероятно, но здесь на зарубежную конференцию могли отправлять ординаторов! Не в одиночку, конечно, а с кем-то из сотрудников кафедры, то есть в составе делегации. Неплохо же прокатиться на казенный счет в Мадрид или Париж, да еще и в качестве участника какого-нибудь престижного научного мероприятия! А что если удастся поехать на стажировку в берлинскую клинику Шарите или в Университетский госпиталь Вены? От таких перспектив у ординатора Пряникова захватывало дух и кружилась голова. Он чувствовал себя маленьким мальчиком, которому посчастливилось поймать сказочную Жар-птицу, и радовался, что сумел настоять на своем вопреки родительским уговорам.

Но при этом в голове занозой засело цветаевское предостережение:

«Оставь полет снежинкам с мотыльками
И не губи медузу на песках!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать в руках!».⁵

Но у Саши имелось хорошее средство против боязливых пораженческих мыслей – песни любимой группы «Прокол Харум». Приятели удивлялись – ну как можно слушать такое унылое старье? Саша отвечал, что это не старье, а классика. Что же касается унылого и веселого, то на вкус и цвет, как известно, товарищей нет. Лучше всего поднимал настроение «Ящик Пандоры». Вроде бы ничего бодрого и духоподъемного, «лирическая меланхолия», как выражался отец, а послушаешь и такое чувство, словно в тебе батарейки заменили. «Пока всадники едут по зеленой траве и Белоснежка, по-прежнему, остается невидимой, Крылатый Пегас передает свои сообщения азбукой Морзе...». Чистой воды психоделия, но что-то в ней есть такое, цепляющее за сокровенные струны души.

Вообще-то заноза в голове засела не просто так. Была причина и довольно веская. Дело в том, что если кафедра полностью оправдывала радужные Сашины надежды, то кафедральная база, мягко говоря, оставляла желать лучшего. Нет, в плане ремонта и оснащения в семьдесят четвертой московской больнице все было в порядке, вплоть до двух томографов – компьютерного и магнитно-резонансного. Среди прочих отделений были отделения сердечно-сосудистой и пластической хирургии, а также рентгенохирургическое. Большинство из заведующих отделений имели кандидатскую, а то и докторскую степень. Если сравнивать с родной областной больницей, то семьдесят четвертая выходила лучше по всем статьям. Но если присмотреться получше, то картина начинала выглядеть не такой уж и замечательной...

Облом номер один. Юному доктору Пряникову казалось, что в передовой столичной больнице, которая является клинической базой передового российского университета, непременно должен присутствовать индивидуальный подход к каждому пациенту. Это же ведь самое главное в медицине – не стричь всех под одну гребенку, а вдумчиво разбираться с каждым конкретным человеком. Недаром же отец медицины Гиппократ учил, что лечить нужно не болезнь, а больного. Получив от заведующего кардиологическим отделением четырехместную

---

⁵ Марина Цветаева, «Ошибка».

мужскую палату, Саша предвкушал интеллектуальное пиршество, готовился читать истории болезни своих пациентов словно увлекательный детектив, в котором хитросплетения симптомов постепенно укладываются в чеканную формулировку диагноза... Ага, разбежался! Впечатление было такое, будто он читает методические рекомендации по лечению инфаркта миокарда. Возраст у пациентов был разный – от сорока семи до семидесяти двух лет, у кого-то инфаркт был первым, у кого-то повторным, но все получали одно и то же лечение, назначенное словно под копирку.

– Знаете, как с одного взгляда отличить хорошего врача от плохого? – спрашивал студентов на первой лекции профессор Борисоглебский, заведующий кафедрой внутренних болезней Тульского медицинского института. – Плохой врач назначает всем пациентам с одинаковым диагнозом одно и то же лечение. Он не вникает в суть, а действует по единожды и навсегда усвоенному шаблону.

Обломом номер два стало общение с врачами отделения на профессиональные темы. Разумеется, Саше хотелось сразу же произвести на коллег хорошее впечатление. Известно же, что шанс произвести первое впечатление дается только один раз, никакого рестарта тут быть не может. Разумеется, Саша готовился к своему первому «показательному выступлению» в ординаторской. До четырех часов утра блуждал по сетевым просторам, изучая самые свежие научные статьи. По двум, которые показались наиболее интересными, составил краткие конспекты и просмотрел все публикации на аналогичные темы за последние годы. Время выбрал самое подходящее – первое утреннее чаепитие, которое совершалось перед обходами. Пока голова свежа и не забита реалиями текущего дня самое время поговорить об интересном. И что же? Коллеги отмахнулись от Саши, как от назойливой мухи – да ну их, эти научные новости, вот когда Минздрав их в свои рекомендации включит, тогда и будем посмотреть. Саша понял, что чувствовал Икар, когда жаркие солнечные лучи прервали его полет. Сидел красный, словно рак и слушал, как тетки («коллеги» мгновенно превратились в «теток») обсуждают новый костюм доцента Сторошкевич. По примеру многих прочих Сторошкевич пыталась компенсировать изъяны внешности при помощи одежды и потому каждый новый ее наряд на два-три дня становился темой для обсуждения.

– Сашенька, что с тобой? – участливо поинтересовалась доктор Феткулина, которая по возрасту и стажу работы в отделении считалась первой среди равных. – У тебя давление подскочило? Давай-ка я измерю.

– Все в порядке, Полина Романовна, просто здесь жарко, – ответил Саша и поспешил уйти из ординаторской.

Обломом номер три стал первый совместный обход с заведующим отделением Максимом Семеновичем Цаплиным. В Сашином представлении совместный обход предполагал обмен мнениями. Врачи вместе осматривают пациентов и сообща принимают решения – выставляют или уточняют диагноз, назначают или изменяют лечение. Но у Максима Семеновича было по этому поводу иное мнение. От своих врачей он требовал двух вещей – четкого доклада о пациенте и столь же четкой записи своих ценнейших указаний.

– Здесь все без изменений, идем дальше!

– Замените эгалоприн на гирдалин. По ноль пять два раза!

– Сделайте повторное «эхо»!

– Готовьте к выписке на пятницу!

Когда же доктор Пряников попытался вставить «я считаю, что...», то услышал в ответ:

– Делайте то, что говорит вам заведующий отделением! Право на собственное мнение нужно заслужить!

По сути и правде то было откровенное хамство. Ладно бы еще, если Саша был бы студентом. Но дипломированный врач, имеет право на выражение собственного мнения в кругу других врачей, вне зависимости от стажа, заслуг и регалий. А уж лечащий врач просто обязан

иметь собственное мнение по поводу своих пациентов и высказывать его заведующему отделением. Саша не мог даже представить, чтобы его родной отец, заведующий отделением областной больницы и один их лучших невропатологов Тульской области, сказал кому-то из своих врачей, что право на собственное мнение нужно заслужить. Напротив, отец всегда побуждал подчиненных думать самостоятельно и высказывать собственное мнение. И все другие заведующие отделениями, с которыми Сашу сталкивала жизнь, поступали точно так же. Некоторые, правда, могли надавить своим авторитетом, но ртов сотрудникам никогда не затыкали. А тут: «Делайте то, что говорит вам заведующий отделением!». Проще говоря: «Заткнись, парнишка!». Не комильфо, совсем и отнюдь.

«Это вроде курса молодого бойца в армии! – убеждал себя Саша. – Сначала тебе указывают на твое место, чтобы помнил про свое место и уважал старших, а потом... А потом все будет нормально».

Потом – это потом, а пока было неприятно.

«Ничего, – думал Саша. – Зато с Кармановой все будет по-другому».

Доцент Инна Юрьевна Карманова руководила ординаторами первого года. На кафедральном языке это называлось «опекала». Ехидный Кирилл вместо «опекать» употреблял другой глагол – «помыкать».

Карманова преподнесла бедному Саше четвертый облом. Пациенты интересовали ее только как потенциальные участники проводимых на кафедре клинических исследований лекарственных препаратов. Одного из четверых пациентов Сашиной палаты, который показался ей перспективным, она долго соблазняла выгодами участия в исследовании.

– Вы будете наблюдаться на нашей кафедре совершенно бесплатно. Вы получите новейший препарат, который пока еще недоступен широким массам. Это шанс, который выпадает раз в жизни. Решайте!

«Не факт, что вы будете получать препарат, а не пустышку, которая называется «плацебо», – хотелось добавить Пряникову. – И еще не факт, что этот самый новейший препарат окажется эффективным». В его представлении при предложении участвовать в клиническом исследовании акцент должен был делаться на возможность послужить науке, принести пользу другим людям. Это было бы честно и правильно, потому что соответствовало бы действительности. Но у Кармановой было свое мнение по этому вопросу и был свой метод – метод пряника, обильно политого сахарной глазурью.

Метод сработал – пациент согласился участвовать в исследовании. Когда же Саша заикнулся о том, что диагноз пациента требует уточнения, Карманова удивленно посмотрела на него и спросила:

– А что сказал Максим Семенович?

Дальше можно было не продолжать. Что сказал заведующий отделением, Саша помнил очень хорошо. А если даже и забыл, то смог бы прочесть в истории болезни. Сам же туда все и записал. Под диктовку заведующего.

Пятым обломом стали дежурства. Точнее, не сами дежурства, а их количество и то, как они были преподнесены. Увидев в графике, что в сентябре ему придется дежурить семь раз, в том числе дважды в субботу и дважды в воскресенье, ординатор Пряников не поверил своим глазам. В Туле ординаторы обычно дежурили два раза в месяц. Отдельные энтузиасты выпрашивали себе дополнительные дежурства, но Саша дежурств не просил. Он не имел ничего против, но все же семь дежурств в месяц – это же целая ставка! Могли бы и спросить – готов ли он на такие жертвы? – прежде, чем составлять график.

– Наш принцип – дежур-тужур! – сказала доцент Карманова в ответ на робкое Сашино «почему столько?». – Знаешь, что такое «тужур»?⁶

---

⁶ Всегда (франц.).

Что такое «тужур» Саша знал, потому что окончил двенадцатую «языковую» гимназию, в которой в дополнение к английскому изучали второй иностранный язык – французский, немецкий или испанский. Тон, которым был задан вопрос, отбил охоту к продолжению дискуссии. Семь – так семь. Тяжело в учении – легко в бою и вообще никто не обещал ординатору Пряникову легкой жизни в столице великой страны.

По натуре Саша был не просто оптимистом, а позитивным оптимистом или оптимистом в квадрате. Он предпочитал руководствоваться принципом: «все к лучшему в этом лучшем из миров» и потому смог убедить себя в том, что семь дежурств, из которых четыре выпадают на выходные дни – это нормально и даже хорошо. Врачу, который избрал нелегкую стезю неотложной кардиологии, нужно привыкать работать сутки напролет. Ночь или день – все едино. Это раз.

Погружение в настоящую взрослую врачебную жизнь немыслимо без дежурств. Только во время дежурства, когда ты предоставлен самому себе и рядом нет начальства, можно узнать свою настоящую цену, узнать, чего ты стоишь, как врач. Это два.

И чем вообще заняться мертвецу в Денвере в выходные молодому человеку, у которого в Москве нет друзей? Из всех ординаторов Саша смог немного сблизиться только с Кириллом, но в полноценное приятельство эти отношения не переросли. Кирилл был классическим шалопаем, который всем видам досуга предпочитал сидение в барах, а всем видам интеллектуальной деятельности – высмеивание окружающей действительности. Говорить с ним о чем-то серьезном было невозможно, потому что он сводил любую тему к шуточкам и прикалыванию. Легкий человек, мотылек, беззаботно порхающий по жизни. Саша любил легких веселых людей и предпочитал общаться с такими, но легкость Кирилла была какой-то чрезмерной, а его веселость очень скоро начинала раздражать. Сказано же: «делу время, потехе час». Час, но не вечность.

Что же касается других ординаторов первого года, соратников по борьбе и товарищей по несчастью, то все они были какими-то унылыми и не склонными к завязыванию дружеских отношений. «Привет-привет... Что у нас сейчас?.. Пока-пока» – вот и все общение. Алену на работе озадачили каким-то грандиозным заданием, которое занимало все свободное время. Она сказала, что в Москву сможет вырваться не раньше, чем в середине октября. Саше же не хотелось пока ехать в Тулу. При встрече родители потребуют обстоятельного отчета о делах блудного сына. Несколькоими фразами, как во время телефонного разговора, отделаться не удастся, придется выкладывать подробности, а этого пока что делать не хотелось, сначала нужно было разобраться что к чему, зачем и почему. И вообще это как-то по-детски – приезжать домой на побывку вскоре после отъезда. Нет уж, хотя бы месяц нужно безвылазно провести в Москве. Обжиться, привыкнуть немного к бешеному столичному ритму, разобраться со своими надеждами и чаяниями, а уж тогда можно и домой навеститься. При таких раскладах дежурства в выходные дни были не злом, а благом потому что позволяли убить время с максимальной пользой. Это три.

Все складывалось не так, как ожидалось, но и не так, чтобы совсем уж плохо. Чудесные перспективы манили и вдохновляли, но при всей радужности столичного бытия «дежуртужур» и «делайте то, что говорит вам заведующий отделением!» больно кололи где-то там внутри, в нижнем средостении.⁷ Есть вещи, с которыми не в силах справиться даже самый позитивный оптимизм.

Изучая график дежурств Саша сделал удивительное открытие. Оказалось, что у всех иностранцев, а также у многих российских ординаторов, в том числе и у Кирилла, было всего по два дежурства в месяц.

---

⁷ Средостение – анатомическое пространство в грудной полости между правой и левой плевральными полостями, ограниченное спереди грудиной, а сзади позвоночником.

– Кто везет, на том и едут, – сказал Кирилл, в ответ на Сашино «почему так?». – Иностранцев никогда не ставят дежурить более двух раз в месяц, как и положено ординаторам. И наших, которые отказываются от лишней нагрузки, тоже не гнобят дежурствами. Я, например, сразу же сказал Кармановой: «имейте в виду, что я перерабатывать не собираюсь». А вот покладистых и активных грузят по полной программе. Но учти два обстоятельства. Первое – если ты упрешься рогом и откажешься от лишних дежурств, то заставить тебя никто не сможет. Будут, конечно, давить на сознательность – надо помочь, дежурантов не хватает и все такое, но последнее слово всегда остается за тобой. И второе – никакой благодарности за свою сознательность ты не получишь, даже не надейся.

– Да я и не надеюсь на благодарность, – ответил Саша. – И вообще – дежурства дают возможность проверить себя и показать, чего ты стоишь, особенно если дежуришь в одиночку.

– Тебе, Пряник, когда-нибудь у главного корпуса памятник поставят, – усмехнулся Кирилл.

Один памятник на больничной территории уже имелся – памятник профессору Московского университета Матвею Яковлевичу Мудрову, имя которого носила больница. Сбоку на постаменте был выбит отрывок из «Войны и мира»: «Как бы переносил граф болезнь своей любимой дочери, ежели бы он не знал, что ему стоила тысячи рублей болезнь Наташи и что он не пожалеет еще тысяч, чтобы сделать ей пользу; ежели бы он не знал, что, ежели она не поправится, он не пожалеет еще тысяч и повезет ее за границу и там сделает консилиумы; ежели бы он не имел возможности рассказывать подробности о том, как Метивье и Феллер не поняли, а Фриз понял, и Мудров еще лучше определил болезнь?».

– Хотя, конечно, я не ожидал, что мне поставят самостоятельные дежурства прямо с начала ординатуры, – признался Саша.

– Формально ты дежуришь не самостоятельно, а в качестве придатка к дежурному врачу терапевтического «приемника», – пояснил Кирилл. – Просто в те дни, когда ему придают ординатора, то не ставят второго дежурного врача на терапию и кардиологию. А график, который вывешен на всеобщее обозрение, это черновой, так сказать – рабочий вариант. В том графике, который по окончании месяца уйдет в архив, у тебя будут стоять два дежурства, как и предполагается.

– Это неправильно.

– А какая тебе разница? – усмехнулся Кирилл. – Тебе все равно за дежурства не заплатят, что за два, что за двенадцать. Ты же ординатор!

Глава третья. Первое дежурство юного д'Артаньяна

*«Rings upon your fingers
Bells upon your toes
Ev'ry day's a game of chance
Ev'ry body knows
In the king's apartment
Heavy lies the crown
There must be a thousand ways
To bring that castle down»⁸*

Procol Harum, «Все наши мечты проданы»

– Главное – не раскладывать диван. Если разложите, дежурство будет бешеным, присесть на минутку не сможете, не то, чтобы прилечь, – предупредила доктор Феткулина.

В каждом отделении есть свои суеверия, касавшиеся дежурств. В отделении Сашиного отца в день своего дежурства врачу нельзя было поливать цветы в ординаторской. Казалось – ну какая тут может быть связь? А вот же. Запрет на раскладку дивана еще можно было объяснить – не наглей, не надейся на максимально комфортные условия отдыха во время дежурства, а то провидение накажет тебя за наглость.

Ситуация с дежурствами в больнице складывалась непростая, поэтому кардиологи и терапевты дежурили по одному на оба отделения, да еще и бегали на срочные консультации в хирургический корпус.

– Консультации – это самое поганое, – сказала Феткулина. – Съедают кучу времени. В основном вызывают в приемное к тем, кого привезла «скорая». Пока добежишь, пока разберешься, в чем дело... Короче говоря – ужас!

– Интересное дело! – удивился Саша. – У нас в Туле тоже не хватает дежурантов и считается, что во всем виновата Москва. Здесь больше платят и потому врачи ездят дежурить сюда. А оказывается и в Москве не особо есть, кому дежурить.

Феткулина посмотрела на него, как на идиота, не понимающего очевидных вещей.

– Все главные врачи экономят на дежурантах, – объяснила она. – Денег же лишних не дают, и ставок тоже. Возьми, к примеру, невропатолога Альбину Альбертовну, которая планово консультирует в нашем корпусе. Она сидит на дежурантской ставке, потому что отдельного консультанта нам не полагается – вызывайте из отделения. Но консультаций невропатолога назначается очень много, врачи из отделения не справятся с таким объемом, вот и приходится выкручиваться. Ты в хирургию не мчишь сразу, сначала спроси, что да как, какой повод, а то ведь они могут на ОНМК⁹ терапевта вызвать, ведь у них все, что не хирургическое, то терапевтическое.

Доцент Карманова сказала прямо противоположное.

– Не вздумайте устраивать базар по телефону, выясняя зачем и почему вас вызвали! – важность сказанного подчеркивал поднятый кверху указательный палец правой руки. – Раз вызвали, то идите и смотрите. И как можно скорее, ведь на дежурстве все консультации срочные.

---

⁸ «Кольца на пальцах твоих рук, Колокольчики на пальцах твоих ног. Каждый день идет азартная игра, Известная каждому телу. В покоях короля Тяжело лежит корона. Должна быть тысяча способов Разрушить этот замок» (англ.).

⁹ ОНМК – острое нарушение мозгового кровообращения.

– У меня в голове не укладывается, как можно оставлять отделение неотложной кардиологии без врача, – признался Саша. – Одно дело – быстро прибежать сюда из терапии и совсем другое – уходить в хирургический корпус.

Отделение неотложной кардиологии находилось на втором этаже, а отделение терапии – на третьем. До хирургического корпуса было пять минут спокойного хода или три минуты рысью. Это от дверей до дверей, а ведь еще и по корпусу сколько-то нужно идти. Короче говоря, даже если очень поспешить, то в своем отделении окажешься не раньше, чем через пять минут. А ведь в эти пять минут многое может случиться.

– Ничего страшного, – «успокоила» Карманова. – Медсестры в кардиологии грамотные, до вашего прихода окажут какую-то помощь. Ну а если что-то серьезное, то вызовут реаниматолога. Но это не значит, что вы можете расслабляться и подолгу торчать в хирургии. Пришли, быстро посмотрели, кратко написали и ушли. Главное, отразить в записи насчет перевода в терапию, нужен он или нет, и назначить обследование и лечение. У нас такое правило – если консультант выставляет диагноз, он должен сделать назначения. А то некоторые любят отговариваться «ничего срочного там не было, поэтому я не стал ничего назначать». Это некачественная работа.

Правило «осмотрел – запиши и назначь» Саше вдолбили в голову еще на четвертом курсе. Но не станешь же перебивать наставницу, особенно такую строгую. К тому же общение с Кармановой доставляло эстетическое удовольствие. Красивая женщина – крупные, выразительные глаза, тонкие черты, высокие скулы, чувственные губы, точеный подбородок. И все это – в обрамлении роскошных каштановых локонов, густых и шелковистых. Фигура у Кармановой была под стать лицу, даже небольшая полнота ее не портила. Эх, ей бы еще перестать вечно хмурить брови и металл из голоса убрать...

Стены небольшого кабинета Кармановой, который одновременно служил и учебной комнатой были увешаны дипломами и сертификатами, между которых красовалось странноватое изречение «Когда остановится сердце – остановится мир». Автор указан не был. Среди однотипных золотых рамок пожелтевший лист бумаги, прищипленный к стене канцелярскими кнопками, выглядел как бедная сиротка на аристократическом балу.

Всезнающий Кирилл рассказал Саше, что Карманова происходит из очень солидной медицинской семьи, представители которой были «при больших делах, но не на виду». Дед-профессор работал с первыми космонавтами, «засекреченный» отец-микробиолог имел генеральское звание, а вот у Кармановой карьера не сложилась. В сорок лет она всего-навсего доцент кафедры и никаких особых перспектив не имеет, потому что не входит в число любимчиков заведующего кафедрой. В личной жизни тоже не сложилось – два развода в анамнезе, детей нет.

– Если что – звоните не стесняйтесь, даже ночью, – сказала Карманова в завершение инструктажа. – Я всегда на связи. Мне проще проснуться среди ночи и сказать, что вам нужно сделать, чем потом разгребать последствия. И помните, что в воскресенье вы не можете уйти до тех пор, пока не придет смена.

Первое Сашино дежурство было субботним, а субботнее дежурство запросто может плавно перетечь в воскресное, если сменщик заболит, запьет, или, не дай Бог, умрет по дороге на работу. В воскресенье очень трудно выдергивать кого-то из дома, не всегда получается это сделать. В областной больнице, где работал Пряников-старший, в подобных случаях «дырку» затыкали заведующие отделениями. Но в семьдесят четвертой городской больнице порядки были другие.

– Заведующие у нас не дежурят никогда, – сказала Карманова. – Если смена не явится, звоните начмеду, пусть ищет кого-нибудь.

Перед дежурством Саша лег спать рано – в десять часов. Хотелось выспаться как следует. Мало ли что? Вдруг придется бегать по больнице савраской двое суток подряд... Но стоило

ему лечь, как внизу на полную мощность врубили тяжелый рок. Низкие басы беспрепятственно проходили сквозь стены и перекрытия. Саше казалось, что он лежит посреди сцены, на которой выступают «Эйсидисты» или «Цеппелины». Беруши не помогали, потому что от звуков вибрировала кровать. Промучившись около часа, Саша решил спуститься вниз и попросить празднующих наступление субботы слегка приглушить звук.

Увидев, что праздник охватил весь этаж (танцевали не только в комнатах, но и в коридоре), Саша вернулся к себе и впервые в жизни пожалел о том, что у него нет под рукой какого-нибудь снотворного препарата. За неимением лучшего пришлось прибегнуть к аутотренингу. Вернув в уши затычки – хоть какая-то польза от них есть – Саша улегся на спину, закрыл глаза и начал думать о преимуществах проживания в студенческо-молодежном общежитии. Не исключено, что на съемной квартире ему мешали бы спать супружеские скандалы или пьяные драки. А тут – всего лишь музыка, веселые лица и вообще море позитива. Надо бы поскорее свести знакомство с соседями и влиться в этот дружный, судя по всему, коллектив. Незаметно для себя заснул, забыв включить будильник на телефоне. Да даже если бы и включил, то ничего бы не услышал, потому что в ушах плотно сидели затычки.

Вполне вероятно, что репутация ординатора Пряникова была бы навсегда подмочена опозданием на первое дежурство (причем – субботнее!), но там, где нет счастья, на помощь приходит его противоположность. Ровно в шесть часов утра в дверь застучали, да так громко, что стук беспрепятственно преодолел пластиковые заслоны в наружных слуховых проходах и достиг станции назначения – слуховой зоны, расположенной в височной доле коры больших полушарий головного мозга. Примерно так в кинофильмах стучат в двери гестаповцы и полицаи, пришедшие арестовывать подпольщиков.

Открыв дверь, Саша увидел коменданта в компании лысого крепыша средних лет и молодой женщины с массивной нижней челюстью.

– Проверка! – объявил комендант. – Посторонние в комнате есть?

– Нет, – ответил Саша.

– Можно взглянуть?

Саша молча посторонился, пропуская коменданта. Окинув взглядом комнату, тот удовлетворенно кивнул и вышел, бросив на ходу:

– Извините, служба!

Саша сначала слегка рассердился – ну что за проверки в такую рань! Однако, вспомнив о дежурстве, обрадовался – мог бы ведь и проспать.

Пока брлся, размышлял о том, что будет, если к нему приедет Алена? Разрешат ли ей несколько дней прожить у него в комнате, благо свободная кровать имеется? Или же не разрешат? Надо бы спросить коменданта... Вероятнее всего, при помощи денег вопрос решить удастся.

В нарушение всех правил, дежурство Саше пришлось принимать не у доктора Сморжевской из терапевтического отделения, а у постовой медсестры.

– Оксана Григорьевна ушла пораньше, – сказала медсестра так, словно ничего особенного не произошло. – Ей надо зайти на молочную кухню за питанием для внуки...

– А если бы я не пришел? – спросил Саша.

– Но вы же пришли! – усмехнулась медсестра. – Да еще и на сорок минут раньше. Так что все в порядке. У нас в отделении трое тяжелых – Наседкин в шестой палате, Гозман в девятой и Хачатурова в десятой. В терапии вроде бы все нормально, только бабка одна скандалит, не переставая, требует, чтобы ее из коридора в палату перевели...

Племянник пациентки, лежавшей в коридоре, «выдернул» Сашу с обхода в кардиологическом отделении. Интеллигентная внешность – очки, аккуратная эспаньолка, галстук – совершенно не сочеталась с яростным блеском глаз.

– Я хочу знать, почему моя тетя, у которой подозревают пневмонию, лежит в коридоре на сквозняке при наличии свободных мест в палатах?! Дежурная врач, которая ее принимала, мне так ничего вразумительного и не ответила, но от вас я не отстану до тех пор, пока тетю не переведут в палату!

В правой руке племянника дрожало раскрытое удостоверение. «Канал Хрон-ТВ, – прочитал Саша. – Корреспондент».

– Через полчаса я приду в отделение и решу этот вопрос, – сказал Саша, стараясь говорить как можно убедительнее. – Если в палатах есть свободные места, то ваша родственница будет переведена. Прямо сразу же. А сейчас позвольте мне закончить обход. Это быстро.

– Я отсюда никуда не уйду! – пообещал племянник. – Буду ждать вас у выхода.

Так и простоял все время столбом у двери. При желании Саша мог бы покинуть отделение через запасной выход, который находился за углом в дальнем конце коридора, но такого желания у него не было. Раз обещал, надо разобраться и решить вопрос. Опять же – человек на взводе, да еще и журналист с телевидения. Поднимет шум, так мало не покажется, а крайним окажется дежурный доктор Пряников.

В единственной двухместной женской палате терапевтического отделения действительно была свободная койка, у лежавшей в коридоре пациентки похоже действительно была пневмония, а в коридоре действительно сквозило, причем – довольно ощутимо. Когда Саша распорядился перевести пациентку в палату, постовая медсестра увела его в ординаторскую, где сказала:

– Да вы что, доктор? «Двушка» у нас только для своих, в нее в понедельник кто-то планомерно лечь должен. Полежит ваша бабка в коридоре, ничего с ней не случится. А если и случится, так не страшно – восемьдесят два года как-никак!

– Да вы что? – в том же тоне ответил Саша. – Что значит «не страшно»? А племянника вы видели? Он, между прочим, журналист с телевидения. Переводите немедленно под мою ответственность. А в понедельник ваши врачи разберутся кому где лежать!

– Только по распоряжению ответственного по больнице! – упорствовала медсестра.

Ответственным дежурным врачом сегодня был заместитель главврача по гражданской обороне Девяткин. Выслушав Сашу, Девяткин помянул недобрым словом упрямых дур и велел передать трубку медсестре. Ей явно тоже сказал что-то резкое, потому что она запунцовела щеками и насупилась.

– Вы будете иметь дело с нашей заведующей, – предупредила медсестра Сашу.

Сказано это было таким зловещим тоном, словно речь шла о разборках с доном мафии.

Саша в ответ улыбнулся – ну и пусть, не страшно. Он чувствовал себя правым по всем статьям. К тому же и ответственный дежурный его поддержал.

Звонок заведующей терапевтическим отделением Адамовской застал Сашу в ординаторской кардиологического отделения, когда он писал краткие дежурные «дневники» в историях болезни.

– Что вы себе позволяете?! – вибрировал в трубке раздраженный голос. – Что за благотворительность за чужой счет?! Очки себе набираете?! Или вам родственники денег сунули?! А вы знаете, для кого берегли место в палате?! Да что вы можете знать?! Вам лишь бы себя показать, а там хоть трава не расти! Вы что не могли сказать, что у женщины, которая лежит в первой палате какая-нибудь заразная инфекция и к ней нельзя никого подкладывать?! На это у вас ума не хватило, да?! Вам же медсестра русским языком сказала... Тьфу, да что с вами говорить!

В трубке зазвучали короткие гудки. Саша так и не успел ничего сказать. «Однако у них тут и порядочки! – сокрушенно подумал он. – Хам на хаме сидит и хамом погоняет».

Минут через пять Саше позвонил ответственный дежурный Девяткин.

– Ну вы меня и подставили, Михаил Александрович, – попенял он, путая имя с отчеством. – Разве вам не сказали, что место в палате держали для матери начальника финуправления департамента? Мне сейчас Анастасия Владимировна высказала все, что она о нас с вами думает! Если вы думаете, что мне приятно было это слышать, то очень ошибаетесь!

Саша снова не смог ничего ответить, потому что, выговорившись, собеседник дал отбой. Поговорить удалось только с доцентом Кармановой, которая позвонила сразу же после Девяткина.

– Александр Михайлович! – простила она. – Ну я же вам сказала, что вы можете звонить мне в любое время! Ну почему же вы мне не позвонили, а?

– Я не думал, что нужно беспокоить вас по таким мелочам! – сказал Саша, радуясь тому, что он наконец-то может что-то ответить на несправедливые обвинения. – Мы все решили с ответственным дежурным...

– Нашли с кем решать! Девяткин – алкаш, его кроме выпивки ничего не интересует. Надо было позвонить мне. Я бы вам сказала, что надо оставить все так, как есть! Если бы тетку нужно было положить в палату, то это сделала бы Сморжевская. Однако она положила ее в коридор. Вы не задумались почему она так поступила? А надо было задуматься!

– Но тут еще и племянник скандалил, – растерянно пролепетал Саша. – А он журналист, с канала Хрон-ТВ, я видел удостоверение...

– Ну и что с того?! У нас кто не журналист, тот юрист, а кто не юрист, тот блогер. Вы знаете поговорку: «Если каждому давать – переломится кровать»?

– Это пословица, – машинально уточнил Саша.

– Да хоть присказка! – рявкнула Карманова. – Что вы умничаете?! Раньше надо было умничать! Это же надо иметь такое счастье – выйти на первое дежурство и сразу же устроить конфликт с Адамовской! Больше никакого самоуправства! Вы меня поняли? Звоните мне по любому вопросу в любое время!

Дописав дневники, Саша отнес истории болезни на сестринский пост и спросил у сидевшей там медсестры:

– Скажите пожалуйста, а что за человек Адамовская? Почему с ней все так носятся?

– Вам за перевод в палату попало? – понимающе усмехнулась медсестра. – Дело в том, что Анастасия Владимировна – близкая подруга главного врача. Ну о-о-очень близкая. Вы меня понимаете?

Саша кивнул.

– Поэтому она и ее отделение находятся на особом положении. Странно, что вам об этом никто не сказал...

«Надо было в первый день идти в бар с Кириллом, а не торчать в больнице, – с запоздалым сожалением подумал ординатор Пряников. – Кирилл мне и про Адамовскую рассказал бы, и про многое другое...».

– Вам повезло, что вы ординатор, – продолжала медсестра, которой очень нравилось поучать врача (ах уж эти вечные классовые противоречия!). – Хотя бы не уволят.

– А не был ординатором, так уволили бы? – удивился Саша.

В его представлении правильный поступок (да – правильный!) никак не мог стать поводом для увольнения.

– У нас и за меньшее увольняли, – загадочно ответила медсестра и вернулась к раскладке таблеток по лоточкам.

В половине первого Сашу вызвали на консультацию в приемное отделение хирургического комплекса. У дедушки, которого «скорая» привезла с диагнозом кишечной непроходимости, врач приемного покоя заподозрил инфаркт миокарда. Жалобы пациента скорее навели на мысль об остеохондрозе позвоночника, которого в семидесятивосьмилетнем возрасте не могло не быть. Свежая кардиограмма, снятая в приемном покое, ничем не отличалась от ста-

рой, полугодовой давности, которую пациент привез с собой. Но, тем не менее, Саша назначил эхокардиографию¹⁰ и анализ крови на ферменты, указывающие на повреждение сердечной мышцы. Когда назначения были выполнены, повторно осмотрел пациента и написал в истории болезни, что данных за острый инфаркт миокарда нет и перевод в кардиологию не показан.

Спустя полчаса Саше позвонил дежурный врач хирургического отделения.

– Что вы творите, коллега?! – с места в карьер погнал он. – Как вы можете снимать диагноз инфаркта без наблюдения?! Вы что, забыли распоряжение главного врача?! Берите деда к себе! Я пишу, что данных за кишечную непроходимость нет!

– Диагноз инфаркта был высосан из пальца! – ответил Саша. – Наблюдение требуется в тех случаях, когда есть сомнения, а по этому пациенту у меня никаких сомнений нет. ЭКГ без динамики, «эхо» ничего не выявило и ферменты не повышены. Что же касается наблюдения, коллега, то вы не можете так вот просто взять и снять диагноз кишечной непроходимости. Надо понаблюдать хотя бы сутки!

– В понедельник будете общаться с нашим заведующим! – предупредил хирург и отключился.

«Ну я прямо как д'Артаньян! – подумал Саша. – Только приехал в столицу и уже нажил двух врагов. Для полного комплекта нужен третий. Кто будет третьим?».

Вроде бы шутил сам с собой, а накаркал. В девятом часу поступил вызов из урологического отделения. Пациенту с аденомой предстательной железы вдруг стало плохо – головокружение, одышка, боль в груди.

– Какое давление? – спросил Саша у дежурного уролога.

– Вот вы придете и измерите, – нагло ответил уролог. – У меня тонометра нет.

Оказалось, что давление подскочило до двухсот двадцати на сто шестьдесят. Ладно бы только это, но пациент, имевший в анамнезе давнюю гипертонию, не получал в отделении никаких гипотензивных¹¹ препаратов. Странное дело. Если госпитализировали для операции на предстательной железе, то на другие болячки можно не обращать внимания?

– Да Бог с ним, с давлением! – хорохорился шестидесятилетний пациент. – У меня на понедельник операция назначена. Если все пройдет хорошо, то в пятницу уже выписать обещали...

– Давление – это серьезно! – одернул Саша. – Очень серьезно. С таким давлением, как сейчас, вас никто оперировать не станет. Сначала нужно стабилизировать давление, а потом уже говорить об операции.

Присутствовавший в палате дежурный уролог сделал круглые глаза, а после, в коридоре, попытался устроить Саше выволочку.

– Что вы себе позволяете, доктор? Кто дал вам право вмешиваться в график операций? Что значит «с таким давлением вас никто оперировать не станет»? В что – анестезиолог? Я вас совсем для другого вызвал.

– Я сказал то, что считал нужным! – ответил Саша, едва удерживаясь от добавления неприличных слов. – Подготовка к операции непременно должна включать в себя стабилизацию давления. Странно, что вы этого не понимаете. Вы вообще врач? Или санитар?

Про санитаря он сказал напрасно – разнервничался, допекли. Сразу же пожалел, но слово уже вылетело.

– Я – врач! – с достоинством ответил уролог. – И все, что мне нужно понимать, понимаю прекрасно. А вот вам в понедельник наш заведующий кое-что объяснит.

«Понедельник – это без четырех дней пятница» вспомнил Саша любимую отцовскую шутку. На душе стало немного легче.

---

¹⁰ Эхокардиография (на врачебном жаргоне «эхо») – ультразвуковое исследование сердечной мышцы.

¹¹ Гипотензивный – понижающий артериальное давление.

Суббота, девять часов вечера, дома сейчас пьют чай с эклерами, которые мама печет по выходным.

Отчаянно потянуло домой. Вот прямо хоть бросай все и поезжай на вокзал. Но дежурный врач не может оставить своих пациентов. Пришлось перебороть желание и дежурить дальше...

В понедельник трое заведующих объяснили ординатору Пряникову, что он никто и зовут его никак. Слова были разными, но смысл – один и тот же. Доцент Карманова добавила в копилку неприятностей свои пять копеек, правда в более мягкой форме.

– Вы должны работать по принципу «*primum non nocere*»,¹² – трижды повторила она, – делать все так, чтобы не навредить самому себе.

«Молчи в тряпочку, не зли папочку» вспомнил Кирилл любимое выражение Алены.

---

¹² Прежде всего – не навреди (лат.). Это выражение, ставшее одним из основных принципов медицины, приписывается Гиппократу.

Глава четвертая. Российский университет дуракаваляния и саботажа

*«Some say they will and some say they won't
Some say they do and some say they don't
Some say they shall and some say they shan't
And some say they can and some say they can't»¹³*

Procol Harum, «Скука»

Наукой на кафедре факультетской терапии¹⁴ и кардиологии РУДС руководил профессор Адаев, сорокалетний энергичный красавец, похожий на артиста Даниила Страхова.

– Наш Вован – тот еще хитрован, – сказал про Адаева Кирилл. – Ты не смотри на то, что он такой свойский, держи ухо востро. А главное, не верь тому, что он тебе наобещает. Вован – корифей мотивирования. Умеет так потрясти морковкой перед носом ослика, что ослик будет пахать без продыху. Он начнет с того, что посулит тебе поездочку на какой-нибудь европейский симпозиум, а закончит намеком на оставление на кафедре после ординатуры. Но реально ты можешь рассчитывать только на то, что твоя фамилия будет указана первой с конца в перечнях авторов написанных тобой статей. Количество научных публикаций – единственная награда ординаторам за их каторжный труд на благо науки. На симпозиумы отправляют только своих, ну а на кафедру без великого блага вообще хрен попадешь, причем этот вопрос решает только шеф и больше никто. Но если послушать Вована, то все зависит только от него.

По большому счету, кроме публикаций Саше от научной работы ничего и не было нужно. Хорошо бы за время ординатуры пополнить свой академический багаж несколькими работами, проведенными не где-нибудь, а на базе Российского университета демократического сотрудничества.

В принципе можно было бы обойтись и без адаевской аудиенции, потому что к научной работе припахивались все ординаторы без исключения. Но Саше хотелось самому выбрать тему, а не разрабатывать ту, какую ему дадут. Хотелось чего-то грандиозного, новейшего, перспективного, значимого... Короче говоря, хотелось настоящего дела, а не занятия «для галочки». Так он Адаеву и сказал.

– На нашей кафедре, да будет вам известно, ничего «для галочки» не делается, – строго сказал Адаев. – У нас все по делу, все всерьез.

– Вы меня не так поняли, Владимир Леонидович, – смутился Саша. – Я имел в виду, что сам я не хочу делать что-то формально, а хочу заниматься тем, что мне интересно...

– Без году неделя на кафедре, а уже пришли требовать темы на выбор! – прокомментировал Адаев, сдвинув брови на переносице.

Саша почувствовал себя так, словно на него внезапно вылили ведро холодной воды.

– Извините, – пролепетал он, вставая со стула. – Я ничего... До свидания.

Идти до двери было долго потому что кабинет профессора Адаева был большим, да еще и вытянутым в длину (бывшая восьмикоечная палата). На середине своего скорбного пути

---

¹³ «Одни говорят, что будут, а другие говорят, что не будут. Одни говорят, что сделают, а другие говорят, что не сделают. Одни говорят, что должны, а другие говорят, что не должны. Одни говорят, что могут, а другие говорят, что не могут» (англ.).

¹⁴ Факультетская терапия преподается на 4 курсе, а на 5 курсе студенты изучают госпитальную терапию (грубо говоря – то же самое, но на более высоком уровне).

Саша услышал за спиной громкий хохот. Не поверив своим ушам, он обернулся и увидел, что профессор смеется и призывно машет ему рукой – возвращайся, продолжим разговор.

– Ну что, ловко я вас разыграл? – отсмеявшись спросил профессор.

– Да, – улыбнулся Саша. – Ловко... Неожиданно.

– Темы надо выбирать! – Адаев легонько пристукнул кулаком по своему столу, на котором царили порядок и симметрия. – Заниматься нужно тем, что интересно, иначе толку не будет. Вы вообще в курсе того, что делается на кафедре?

– В курсе, – скромно ответил Саша, прочитавший все кафедральные публикации за последние пять лет, а также ознакомившийся с планом научной работы. – Если можно, я хотел бы принять участие в клиническом исследовании пазевина.

Исследованием нового гипотензивного препарата пазевин руководила доцент Карманова, с которой у Саши сложились более-менее сносные отношения и он, наивный, думал, что так будет всегда. С Кармановой, вроде как, можно было работать, а пазевин, не только снижавший давление, но и уменьшавший гипертрофию миокарда, казался Саше интересным и перспективным препаратом.

Адаев поморщился, будто съел что-то кислое.

– Чем вас привлек пазевин? – спросил он. – Заурядный препарат, да и исследование уже близится к концу. Только вгрызетесь в тему по-настоящему, а все уже завершилось. К тому же... хм... Скажите, Александр Михайлович, я могу быть уверенным в том, что все сказанное останется между нами?

– Да, разумеется, Владимир Леонидович, – заверил Саша.

– Хорошо. Тогда я буду называть вещи своими именами. Инна Юрьевна никому из своих ассистентов настоящей самостоятельности не дает. Вы будете еще одним мальчиком на побегушках. Получил указание – исполнил – получил новое... У Кармановой нельзя научиться самостоятельному научному поиску и самостоятельному ведению проектов. А вы ведь уже не мальчик... То есть – не студент. Вы ординатор, врач, взрослый человек. И как я вижу – умный человек. Не смущайтесь, это не комплимент, а чистая правда, по глазам видно. Мне кажется, что вам лучше работать с тем, кто предоставит вам свободу действий. Не полную, разумеется, а относительную, но все же – свободу. Образно говоря, вы получите свою поляну и будете делать на ней то, что считаете нужным. Если справитесь, то в следующий раз поляна будет больше. Таким образом, к завершению ординатуры вы станете полноценным научным работником. Кандидатскую напишете так же легко, как и недельный отчет...

Еженедельные отчеты давались Саше с огромным трудом. Доцент Карманова требовала, чтобы отчеты были содержательными и отражали прогресс в развитии. Если просто написать, что вел пациентов с такими-то диагнозами, присутствовал на совместных обходах и прослушал такие-то лекции, то отчет возвращался обратно перечеркнутым крест-накрест. Не халтурьте, господин Пряников! Наполните свой отчете содержанием и отразите в нем свой прогресс!

– Ну это же элементарно, Пряник! – тоном гениального сыщика Шерлока Холмса сказал Кирилл, наблюдая за тем, как Саша в третий раз переписывает отчет. Сначала напиши, что прослушанные лекции побудили тебя к изучению дополнительной литературы и перечисли какой именно. В результате улучшилось твое представление о лечении сердечной недостаточности и расширился научный кругозор.

– Улучшилось представление? – усмехнулся Саша. – О лечении сердечной недостаточности? Да оно у меня еще на четвертом курсе улучшилось так, что дальше некуда.

– Пиши так, как я тебе говорю и не умничай! – Кирилл погрозил ему пальцем. – Дальше – по пациентам. Пиши, что наблюдение за одним помогло тебе лучше понять значимость вердаманила в терапии аритмий, на другом ты научился правильно пальпировать селезенку...

– Я этому еще на третьем курсе научился!

– А напишешь сейчас! И добавь, что после практического занятия по функциональной диагностике ты самостоятельно продолжил улучшать навыки по расшифровке кардиограмм...

– Какой бред! – простонал Саша, послушно записывая то, что ему говорил Кирилл в черновой вариант отчета.

– Бред, не спорю. Зато Инусик будет довольна и подарит тебе поцелуй. Воздушный. Ты же ее хочешь, верно?..

Саша отрицательно покачал головой и слегка покраснел.

– Да не смущайся ты! – продолжал Кирилл. – Под ее чары просто невозможно не попасть, при условии, что у тебя гетеросексуальная ориентация. Знойная женщина – мечта поэта и, между прочим, большая любительница разнообразия. Кстати, Инуся очень любит, чтобы ординаторы что-то планировали самостоятельно, а потом отчитывались в выполнении. Пиши дальше. Вместе с ординатором первого года Жужелем Ка Вэ планирую посетить бар «Четыре поросенка» для ознакомления с представленным там ассортиментом жидких диуретиков...¹⁵

– А вот возьму и напишу так!

– Не советую! – серьезно сказал Кирилл. – Щедро одарив Инусю умом и красотой, природа забыла про чувство юмора. Все шутки Инуся воспринимает как наезды на ее авторитет. Вместо воздушного поцелуя можешь получить подзатыльник и не факт, что воздушный.

Саша порадовался тому, что у профессора Адаева с чувством юмора все в порядке – вон как его разыграл. Приятно, когда у собеседника есть чувство юмора, ведь шутки помогают в общении и вообще, чувство юмора – признак умного человека.

– Ну что вы выбираете, Александр Михайлович – самостоятельность или побегушки?

По взгляду профессора было ясно, что ответ ему известен заведомо.

– Конечно же – самостоятельность, – сказал Саша, без труда догадавшись о том, какой научный руководитель ему эту самостоятельность предоставит.

– Замечательно! – профессор несколько раз хлопнул ладонью о ладонь. – Вот слова не мальчика, а мужа! Что вы скажете об исследовании препарата под рабочим названием даривазан производимого компанией «Макс Шмидт и Доуль»? Это новейший блокатор кальциевых каналов на который производитель возлагает огромные надежды. И не просто так возлагает, скажу я вам. Препарат действительно замечательный. Уже на первом этапе исследований стало ясно, что это настоящее сокровище! Работать будете под моим чутким руководством.

– Предложение замечательное, – ответил Саша, незаметно для себя самого заразившись от профессора любовью к слову «замечательный». – Но насколько я помню, в научном плане кафедры такого исследования не было.

– Наш пострел везде поспел и план посмотрел! – похвалил профессор. – Вы правы, пока еще нет, но на днях появится. Я предлагаю вам наисвежайший пирожок, только что из печи, с пылу, с жару. Командовать парадом буду я, а текущее руководство станет осуществлять аспирант Юкасова. Ларочка давно работает со мной, она замечательная и вы в этом убедитесь. Также в исследовании будет принимать участие Мукеш Миттал, ординатор-третьегодник. Вы с Мукешем ведете пациентов, Ларочка за вами присматривает и помогает вам, а я вас опекаю, обеспечиваю условия и все необходимое для работы. Таковы вот наши расклады. Сразу скажу, что работать придется много, но ваши труды окупятся. «Макс» – фирма солидная и не скупится на бонусы исследователям. Точные суммы я назвать не могу, но поверьте мне на слово, что вы останетесь довольны. А если компания отправит вас на какое-нибудь мероприятие, то обеспечит билеты бизнес-класса и столь же достойный номер в гостинице. Кстати говоря, так ведут себя далеко не все спонсоры. Был случай, когда меня и Ларочку пытались отправить в

---

¹⁵ Диуретик – мочегонный препарат.

Прагу на автобусе. Нет, вы только представьте – на автобусе! В Прагу! Более полутора суток в дороге! Разумеется, мы отказались...

Примерно с четверть часа Адаев соблазнял Сашу плюшками и пряниками. Саша слушал, кивал, делил в уме все предложенное на пять, но даже пятая часть выглядела привлекательно. А больше всего привлекало само исследование, спонсируемое ведущим мировым производителем лекарственных препаратов. Круто! Очень круто!

– Вам нужно время на размышление? – спросил Адаев, когда плюшки-пряники закончились.

– Нет! – ответил Саша. – Я согласен. Надеюсь, что справлюсь.

– Если будете слушаться старших, то справитесь, – обнадежил профессор. – Не боги горшки обжигают. Как говорили в советские времена: «главное – не искривить линию партии». Про линию я вам сейчас объясню, а все остальное расскажет Ларочка.

Профессор сделал небольшую паузу, желая подчеркнуть важность того, что будет сказано. Улыбка исчезла с его лица, взгляд немного потяжелел.

– Большинство людей, к сожалению, безалаберны, – начал Адаев. – Пациента предупреждают, что препарат нужно принимать строго по часам, без разрывов, а он забывает. Или хуже – уезжает на отдых, забыв препарат дома. А ведь это особый препарат, которого в аптеке не купить. Признается ли он в том, что нарушал график приема? Да никогда в жизни! Хаус прав – все врут! Одни курят, несмотря на строжайший запрет, другие хлещут водку, но на словах – все ангелы безгрешные. Но ничего не поделаешь, приходится работать с теми, кто есть. Других участников для исследований взять неоткуда. И контролера к каждому не приставишь, такие вот дела. Это одна сторона вопроса. Другая сторона – репутация кафедры в целом и наша с вами в частности. Репутация – это самое дорогое, что у нас есть. И самое хрупкое, потому что создается она годами, а рушится в один миг. Скажу без ложной скромности, что желающие провести исследования своих препаратов на нашей кафедре выстраиваются в очередь. На данный момент в этой очереди стоит три препарата, а бывает и больше. А есть кафедры, которые всячески пытаются привлечь спонсоров, но к ним никто не идет, никто не хочет иметь с ними дела. Почему такое «неравноправие»? Потому что у нас есть репутация, а у других ее нет. Вы футбол любите?

– Люблю, – ответил Саша, удивившись такому переходу в разговоре.

– Если команда проигрывает ответственный матч, ее акции падают в цене. Никого не интересует, что у вратаря мама при смерти, а у центрального нападающего перед началом игры жену в роддом увезли. Обстоятельства неважны, важен результат, важен счет! Точно так же обстоят дела и у нас. Спонсоров не интересует сознательность участников исследования и прочие организационные моменты. Они дают нам деньги и хотят взамен получить качественное исследование своего препарата. Согласитесь, что это честно и правильно.

– Абсолютно!

– Наши партнеры возлагают на нас надежды, которые мы должны оправдать, иначе грош нам цена. Но потомственный сантехник Иван Иванович Иванов, которому мы предложили участвовать в исследовании, оперирует другими категориями. Он забывает принять препарат, но не забывает выпить перед ужином свой законный стакан водки, а вся эта безответственность приводит к искажению результатов. Вы можете сказать, что для участия в исследованиях нужно отбирать только ответственных людей и будете тысячу раз правы. Но где их взять? И как в момент отбора понять, кто ответственный, а кто нет? Истину можно установить только опытным путем. Вы машину водите?

– В принципе – умею, но своего автомобиля сейчас нет.

– Если прохудилось колесо, я его заменю и спокойно поеду дальше. С участником клинического исследования такой номер не пройдет. Коней на переправе не меняют. Допустим, что с начала исследования прошло шесть или восемь месяцев. Какая замена может быть на этом

этапе? Можно только вывести участника из исследования, но этим увлекаться нельзя, потому что от количества участников зависит представительность исследования и его качество.

Адаев поерзал в кресле (кресло у него было роскошное, настоящий трон) и испытующе посмотрел на Сашу.

– Я прошу вас правильно понять то, что я сейчас скажу. Начну с того, что ни о каких фальсификациях данных не может быть и речи. Наука и мошенничество несовместимы. Если я узнаю, что вы хотя бы раз позволили себе «пошаманить» с результатом, то наши деловые отношения будут прекращены навсегда! Вы меня хорошо поняли?

– Хорошо, – кивнул Саша. – Очень хорошо.

– Вот и замечательно! На нашей кафедре принято получать результаты опытным путем, а не высасывать их из пальца. Но результаты нужно осмысливать. Их нужно анализировать, нужно вникать в суть, понимать, почему в данном случае вы получили именно такой результат. Мне не нужны бездумные автоматы, которые механически регистрируют данные, мне нужны думающие ассистенты, которые понимают, что они делают и умеют делать выводы. Правильные выводы! Если что-то пошло не так, вы должны понять, почему это случилось, и исправить положение.

Адаев замолчал и вперился пристальным взглядом в Сашины глаза, словно пытаясь что-то в них прочесть. Саша чувствовал себя немного неуютно, но глаз не отводил. Игра в гляделки продолжалась пару минут. Затем Адаев вздохнул и сказал:

– Нужен не только ум, нужна дипломатичность. Нельзя вести себя подобно слону в посудной лавке. Вы следите за ходом моей мысли?

– Слежу, но не до конца улавливаю, – честно признался Саша.

– Давайте я объясню на примере. Участник исследования приходит к вам на очередной прием. Вы смотрите, а ожидаемого результата-то нет, хотя он должен быть. В чем дело? Почему так произошло? Вы начинаете расспрашивать. Участник сначала юлит, а потом признается, что допускал большие перерывы в приеме препарата. Или же не признается, но вы чувствуете, что дело тут нечисто. Какими будут ваши действия?

– А какими они должны быть? – ответил вопросом на вопрос Саша.

По логике и правилам недисциплинированных участников надо выводить из исследования, но Адаев явно подводил его к другому ответу. Нет уж, пусть лучше профессор сам произнесет заветные слова.

– Дипломатичными, – ответил Адаев. – Умными. Нужно прикинуть, каким должен был быть результат на самом деле, если бы участник делал все как положено, и указать этот результат в протоколе. Это же будет не фальсификация, а исправление ошибки. Вы чувствуете разницу?

Никакой разницы Саша не чувствовал. «Если кражу назвать экспроприацией, то она от этого не перестанет быть кражей», всякий раз говорил отец, когда проходил мимо дома на улице Каминского, построенного его прапрадедом и экспроприированного в 1918 году. Если фальсификацию назвать «исправлением ошибки», то она от этого не перестанет быть фальсификацией. Неужели правы те, кто утверждает, что все клинические исследования представляют собой ритуал с предоплаченным результатом? (А так говорили даже некоторые преподаватели Тульского медицинского института).

«С волками жить – по волчьи выть!» – решил Саша. – От научной работы на кафедре отвертеться не получится, чем-нибудь да нагрузят. Если предопределенное неизбежно, то пусть лучше это будет исследование от «Макс Шмидт и Доуль», нежели от какой-нибудь «Мумбай фармасьютикал индастриз», которая выпускает дженерики¹⁶ «по мотивам» новейших раз-

---

¹⁶ Википедия называет «дженериком» лекарственное средство, содержащее химическое вещество – активный фармацевтический ингредиент, идентичный запатентованному компанией-первоначальным разработчиком лекарства. Если говорить

работок. Опять же, не хотелось наживать врага в лице профессора Адаева. В наживании врагов Саша уже преуспел сверх всяческой меры, пора было и остановиться. Ну и вообще, взгляды научного руководителя не обязательно должны совпадать со взглядами ассистента. Главное в жизни – жить своим умом.

– Чувствую, – не моргнув глазом соврал Саша.

– Вот и замечательно! – Адаев впервые после начала «объяснения про линию» позволил себе улыбнуться. – Давайте скрепим рукопожатием наш союз нерушимый и станем сотрудничать в лучших традициях Российского университета демократического сотрудничества!

«Российского университета дуракаваляния и саботажа», мысленно перевел Саша.

Рукопожатие профессора Адаева было крепким, спортивным, энергичным, вдохновляющим. Саша вдохновился ровно настолько, чтобы выйти из профессорского кабинета с дружелюбной улыбкой на вконец озадаченном лице.

«Я знаю, что будь я мудрее, этого бы не случилось» вкрадчиво напевал в ухо Гари Брукер, солист группы «Прокол Харум».

Но что случилось, то случилось. И с этим приходилось считаться.

Глава пятая. Как диск луны дрожит в седых волнах...

*«I know if I'd been wiser
This would never have occurred
But I wallowed in my blindness
So it's plain that I deserve
For the sin of self-indulgence»¹⁷*

Procol Harum, «Посмотри на свою душу»

Итоги первого месяца ординатуры в одном из самых передовых университетов великой страны откровенно не радовали. Не радовали настолько, что их можно было и не подводить. Но педантичный ординатор Пряников подвел. В своем классическом стиле – разделил лист бумаги вертикальной полосой на две части, и стал записывать в левой все плохое по пунктам.

Пункт первый – за месяц если чему и научился, так это сдерживать себя во время дежурств. Любое условно лишнее слово, любая рекомендация, выходящая за рамки оказания помощи по дежурству, будут восприняты лечащими врачами и заведующими отделениями как кровная обида. А что следует за кровными обидами? Мечь! Саша уже успел ощутить, как изменилось к нему отношение в некоторых отделениях. В терапии дошло до откровенно хамских комментариев со стороны постовых сестер в стиле: «некоторые ординаторы слишком много о себе воображают!». Комментарии приходилось пропускать мимо ушей. Саша прекрасно понимал, что если он скажет наглой медсестре ответную резкость, то выйдет скандал и завтра его обвинят в том, что он терроризирует средний медперсонал, не давая спокойно работать. Если пожаловаться заведующей отделением, результат будет точно таким же, только в придачу мадам Адамовская наговорит гадостей. Ничего, терпение и невозмутимость – одни из важнейших качеств врача. Да и вообще надо быть выше всего этого. В конце концов он в Москву учиться приехал, а не самоутверждаться в глазах каких-то невоспитанных дур. Но как себя не уговаривай, все равно было неприятно.

Лекции и практические занятия для ординаторов ничем не отличались от тех, что проводились для студентов в рамках обычной вузовской программы. Некоторые сотрудники кафедры, например – доцент Карманова, которая вечно пребывала в «цейтнотах дедлайновых» (ее собственное выражение), позволяли себе объединять студенческие занятия с ординаторскими. А что тут такого? Принципы терапии сердечной недостаточности одинаковы и для студентов, и для ординаторов, и для профессоров...

Одинаковы-то одинаковы, только у студентов и ординаторов уровень разный. Студенты учатся «с нуля», им, образно говоря, нужно все разжевать, в рот положить и проследить, чтобы они все проглотили, то есть – усвоили бы полученные знания. Ординаторы – это врачи. Первичные знания они усвоили давным-давно, сдали все положенные зачеты и экзамены, получили дипломы и теперь им нужны знания более высокого уровня. Им надо разбираться в самых сокровенных нюансах, в самых потаенных особенностях каждого назначаемого препарата. Ординаторы должны стать мастерами своего дела, полностью готовыми к самостоятельной работе. «Пережевыванием» давно усвоенных знаний такого результата не добьешься.

Методика обучения тоже была совсем не той, которой хотелось Саше. Собственно, он и приехал в Москву только потому, что не хотел учиться в местной ординатуре, которая представляла собой унылое рутинное повторение пройденного, помноженное на бесправное раб-

---

¹⁷ «Я знаю, что будь я мудрее, Этого бы не случилось. Но я погряз в слепоте Так что ясно, чего я заслуживаю За греховное потворство своим желаниям» (англ.).

ство. Наивный доктор Пряников и подумать не мог, что в Российском университете демократического сотрудничества, который готовит специалистов для работы за рубежом, ординаторов будут учить точно так же, как и в родной Туле. В очередной раз оказался прав отец, который советовал сыну не «блажить», а проходить ординатуру дома, потому что везде одно и то же.

Но снявши голову не стоит плакать по волосам. Рубикон уже перейден и фарш невозможно повернуть назад. Можно, конечно, бросить ординатуру в РУДС, а в будущем году поступить дома на платную. Но такое решение привело бы к большим потерям – потере года жизни, потере кучи денег и потере лица. Вслух родители будут только радоваться возвращению блудного сына, но в глазах у них нет-нет да мелькнет: «Говорили же мы тебе дурачине».

Настоящее Клиническое Обучение в представлении Саши выглядело так. Преподаватели давали ординаторам практические задания, которые нужно было выполнять самостоятельно, а затем устраивали «разбор полетов» и указывали на допущенные ошибки. Вот тебе пациент – поставь-ка диагноз и назначь лечение. Смотри – вот тут ты ошибся... И так далее. На деле же ординаторы записывали в истории болезни указания преподавателей и заведующих отделениями. Ни о какой самостоятельности тут не было и речи. И об обучении, к слову будь сказано, тоже. Интересными каждый из преподавателей считал тех пациентов, которые подходили для участия в клиническом исследовании, которое этот преподаватель проводил. Когда же Саша попробовал на практическом занятии рассказать об одном интересном случае из своей студенческой практики, то Карманова резко оборвала его – не мешай проводить занятие! Хорошо занятие – бу-бу-бу, бла-бла-бла, к следующему разу освежите в памяти наджелудочковые аритмии. А зачем их освежать? Чтобы заново прослушать то, что уже слышал на пятом курсе? Или на четвертом? Время бежит, вот уже и первые признаки склероза начинают появляться.

На лекциях ординаторов по идее должны были знакомить с новейшими открытиями и тенденциями, и вообще весь материал должен был подаваться не на студенческом, а на «академическом» уровне, но то по идее, а на деле ничего этого не было и в помине. Сильнее всего Сашу шокировала лекция заведующего кафедрой члена-корреспондента, профессора и светила мировой величины (так, во всяком случае, было принято считать на кафедре). Вместо полноценной лекции для полноценных врачей, Манасеин слово в слово прочел главу из своего учебника для вузов, на самом деле написанного доцентом Сторошкевич.

– А какой смысл Славику напрягаться? – спросил Кирилл, с которым Саша поделился наболевшим. – Его же все равно никто не слушает.

– Неинтересно – потому и не слушают! – возразил Саша. – Было бы интересно, так слушали бы. Нет, так нельзя!

– Ты у себя в комнате повесь на стенку календарь и каждый вечер зачеркивай в нем крестиком прошедший день, – посоветовал Кирилл. – Это успокаивает.

– Да иди ты со своим календарем! – рассердился Саша. – Я тебе что – дембель?

– Согласно армейской классификации мы с тобой духи бесплотные, которых всем положено чморить, – усмехнулся Кирилл. – До дембеля нам как до Луны... Тебя Лариска не заставляет носки и трусы ей стирать?

Тула, если кто не в курсе, это большой промышленный город, в который когда-то съезжались на работу жители разных регионов. Смешение местных матерных «диалектов» переплавилось в могучую и очень убедительную матерную брань, яркую, образную и донельзя витиеватую.

– За тобой, друг мой, хочется с молескином по пятам ходить и каждое слово записывать, – восхищенно сказал Кирилл, когда Саша закончил свою донельзя эмоциональную филиппику. – Вот он – настоящий живой русский язык, язык Пушкина, Чехова и Бунина!

Незаметно для себя, Саша довольно сильно повысил голос, и его «филлиппика» разнеслась по всей аудитории. Хорошо еще что это случилось во время пятиминутного перерыва, когда профессора-членкора Манасеина не было в аудитории. После окончания лекции Сашу

в дверях подкараулил ординатор второго года Нарендра и спросил, что означают слова «побешка дrochenая». Саша со стыда готов был провалиться сквозь землю.

– Это примерно то же, что и «stupid asshole», только более обидное, – выручил Кирилл. – Употребляй с осторожностью, а то могут быть проблемы. И вообще имей в виду, что Алекс владеет русским матерным куда лучше, чем ты английским.

– В английском языке нечем владеть, – проворчал Нарендра, слывший великим знатоком английского мата. – Двадцать слов, тридцать ругательств. А у вас только для слова «секс» более двадцати синонимов. Я думал, что все знаю, но вчера Пракаш сказал мне слово «впердолить»...

Ординатор Пряников ускорил шаг, оставив Кирилла с Нарендрой позади. Ему было стыдно. Впрочем, Кирилл сам был виноват. Довел своими шуточками да подначками.

Саша прочитал довольно много книг по самоанализу и любил покопаться в себе, порефлексировать в хорошем смысле этого слова. «А почему я так отреагировал на шутки Кирилла? – подумал он. – Ведь не стоило говорить такие слова, да еще при всем честном народе. Хорошо еще, что Кирилл не обиделся...».

Ответ нашелся сразу: «Потому что Кирилл ударил меня в больное место». С этим было нужно что-то делать, иначе за два года можно превратиться не в квалифицированного специалиста, а в законченного психопата.

Тут бы определенно пришлась бы к месту история страстной любви между ординатором Александром Пряниковым и аспирантом Ларисой Юкасовой, которую профессор Адаев называл «Ларочкой», а Кирилл «Лариской». С чего бы иначе Саша стал так болезненно реагировать на безобидно-идиотский вопрос о стирке трусов и носков? Такое светлое чувство, как любовь, способно украсить любую историю... Однако, никакой любви не было. Вместо этого светлого чувства Саша испытывал к Ларисе сильную неприязнь, начавшую формироваться буквально с первого взгляда.

Представившись «Ларисой Анатольевной», Лариса называла Сашу Алексом (так его имя обычно сокращали иностранные ординаторы и аспиранты) и тыкала в ответ на его вежливое выканье. Три-четыре года разницы в возрасте и небольшая разница в статусах (многим ли аспирант выше ординатора?), вряд ли давали основания для подобного поведения. Саша несколько раз попробовал произнести свое «вы» с особым ударением, но Лариса сделала вид, что не понимает намека.

Ели профессор Адаев был дипломатичным в своих намеках, то Лариса предпочитала называть вещи своими именами. Или же просто считала, что ей, как особе, приближенной к профессору и даже удостоенной чести иметь крошечный собственный кабинетик, нет смысла стесняться «какого-то там» ординатора.

– Результат любого исследования ясен еще до подписания договора, – сказала она. – Мы проводим клинические испытания третьей фазы, то есть – выписываем уже апробированному препарату «путевку в жизнь». И путевка эта должна быть убедительной. Тебе все ясно?

– Нет, не ясно, – ответил Саша. – Клинические испытания третьей фазы – это самый ответственный этап, во время которого препарату дается окончательная оценка. А если послушать ВАС, то выходит, будто это пустая формальность...

– У меня нет времени на пустую болтовню! – оборвала его Лариса, демонстративно обводя взглядом заваленный бумагами стол. – Слушай и запоминай. Твое дело – техническое обслуживание исследования. Ты ведешь участников, контактишь с ними, заполняешь протоколы и передаешь их мне. Все должно быть сделано вовремя и четко, это очень важно. Четкость – залог качества. Тебе все ясно?

– Ясно, но мне бы хотелось следить за ходом исследования, чтобы понимать, как оно протекает, а не просто заполнять графы в анкетах и протоколах, – сказал Саша. – Ну и, наверное, мы будем собираться для того, чтобы обсуждать все свежие публикации по даривазану...

– Следить буду я! – снова перебила Лариса, ткнув себя в плоскую грудь холеным пальчиком (единственно, что у нее было красивым, так это руки). – Твое дело – сбор информации. Ничего обсуждать мы не станем, потому что это может привести к искажению результатов. Тебе все ясно?

– А в чем же тогда заключается научность моей работы? – ехидно поинтересовался Саша.

– Ты будешь участвовать в написании публикаций, посвященных исследованию. Возможно – выступишь с докладом где-нибудь. А пока что нужно собирать материал! Тебе все ясно?

Саше захотелось вскочить со стула, вытянуться в струнку и гаркнуть: «Так точно ваше благородие!», но он благоразумно сдержался. Все ясно. Он будет выполнять мартышкину работу по «окучиванию» участников, а Лариса станет подгонять данные под нужный результат. Это не научное исследование, а ритуал, который нужно совершить для того, чтобы препарат вышел на рынок. Неужели так делается везде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.